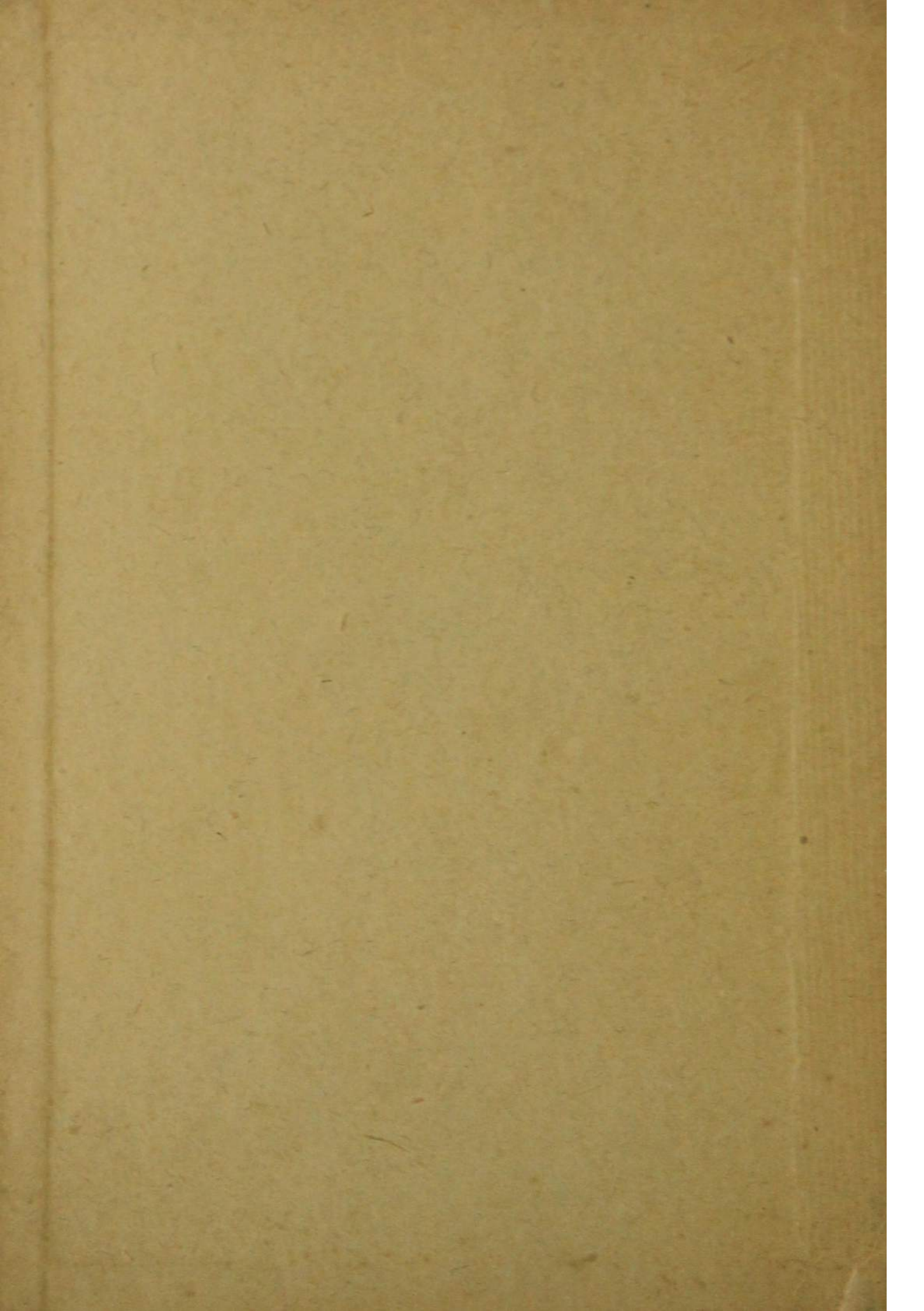

К. БАЛЬМОНТЪ.

ИЗЪ МЯРОВОЙ
ПОДЪЯИ

1-20

Прочитал 15 января 2004 г.
Солт. Лейк Сити, Ита
США

Изъ
Міровой Поэзіи.

84(2) 44.2)5
521

Изъ Міровой Поэзіи

К. Д. Бальмонтъ

ДАР
Л. С. ПОЛЕВОГО

1 9 2 1

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО»

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК

77092

МБУК
«ГЦ»

ФОНД РЕДКИХ КНИГ

Предисловіе.

Поэзія - свѣтлои и свѣтлѣи водосур, и когда дѣла прискл-
саеся на этой вѣст, она поетъ изъ негнѣна вѣчной тоноги.

Поэзія - горнѣ преобразованна она, въ неур рѣда от-
брасоваея отъ себя брѣмя земной поим, и остаеся мѣст
драгоценной мералѣ.

Жизнь въ свѣтлои возду-етъ мировой Поэзіи, знаея-
щѣи вѣдоитъ и слышатъ въ сердѣи кроватю прѣчу.

Изъ многораселенной догнѣнѣи, отъбленной и ме-
наи мировой погнѣи, въ этой Книжѣ многи собрано то,
что будѣмо во мѣст особенную любовь, гнѣти, которые гнѣ-
тѣи и въ вѣстономъ вѣртѣ нашей дѣствительности не убр-
дано.

К. Балъмонъ.

1920. 8 октября.

Парижѣ.

Handwritten text, likely bleed-through from the reverse side of the page. The text is written in cursive and is difficult to decipher due to fading and the angle of the page. It appears to contain several lines of text, possibly including a name and a date or location.

ПѢСНЬ О СИГУРДѢ

(Отрывокъ изъ Эдды)

Юный Сигурдъ пришелъ ко двору властителя Гьюки, и принятъ былъ дружески.

Онъ заключилъ съ сыновьями властителя, Гуннаромъ и Хёгни, кровный союзъ побратимства, и въ бракъ вступилъ съ дочерью его, Гудрунъ.

Онъ отправился въ путь вмѣстѣ съ Гуннаромъ, чтобъ его поддержать при его сватовствѣ къ Брингильдъ, которая, въ замкѣ, овѣянномъ пламенемъ, противилась всѣмъ женихамъ.

Нашли они залъ и огонь, и видятъ тамъ замокъ съ златою кровлей, а снаружи, кругомъ того замка, пылалъ огонь.

Гуннаръ ѣхалъ на Готи-конѣ, а у Хёгни былъ конь-Хольквиръ.

Гуннаръ горячитъ жеребца, направляя въ огонь, но конь отступаетъ, дыбясь.

Сигурдъ говоритъ: «Почему отступаешь, Гуннаръ?» Тотъ говоритъ: «Не хочетъ скакнуть въ огонь жеребецъ».

И проситъ Сигурда, чтобъ ему одолжилъ коня-Грани.

«Это возможно», промолвилъ Сигурдъ.

Ѣдетъ Гуннаръ на огонь теперь, и Грани не хочетъ идти.

Гуннаръ не возмогъ проскакать чрезъ огонь.

Мѣняютъ они свои лики.

Бдетъ тогда Сигурдъ, и мечъ-Граммъ у него
въ рукахъ, на ногахъ золотыя шпоры.

Огонь забился,
Какъ сумасшедшій.

До неба пламя,
Земля дрожить.

И мало кто
Изъ свиты мужа
Къ огню поѣхалъ,
Чтобъ проскочить.

Сигурдъ же — Грани
Мечомъ, не шпорой,
Предъ благороднымъ
Огонь погасъ.

Предъ жаднымъ къ славѣ
Все пламя — книзу,
Сверкнула сбруя,
Звенить узда.

Сигурдъ вступилъ въ пламя, нашель тамъ
жилище прекрасное, а въ жилищѣ сидѣла
Брингильдъ.

Она вопрошаетъ, кто мужъ.

Онъ себя называетъ Гуннаръ, сынъ Гьюки.

«Ты мнѣ предназначена въ жены по твоему
же рѣшенью, разъ я проскакалъ черезъ яркое
пламя, разсѣкъ твой пчелиный сотъ».

«— Не знаю я точно, какой я должна тебѣ
дать отвѣтъ», говоритъ она.

Сигурдъ на мощеномъ полу передъ ней
стоитъ, опершись на мечъ, и такъ говоритъ къ
Брингильдъ: —

«Великій я дамъ тебѣ свадебный выкупъ, зо-
лотомъ дамъ его и драгоценностями».

Съ сидѣнья она своего отвѣчаетъ ему, заботой объята, словно лебедь въ волнѣ, и мечъ у нея въ рукѣ, на головѣ ея шлемъ, была она въ латахъ.

«Гуннаръ», говоритъ она, «не говори мнѣ подобнаго, если не выше ты каждаго мужа, а тогда ты долженъ убить всѣхъ тѣхъ, кто искалъ меня, если на это дерзнешь. Въ битвѣ была я съ конунгами, съ Гарда-властителями, и окрашено было оружье мое кровью мужей, и еще мнѣ желается этого».

Онъ отвѣчалъ: —

«Много ты совершила великихъ дѣяній, но вспомни теперь свой обѣтъ, что, если чрезъ этотъ огонь на конѣ кто проскачетъ, ты пойдешь тогда съ мужемъ свершителемъ».

Въ этомъ она получила отвѣтъ настоящей и знакъ указующій рѣчи, встала, услышавъ, и дружески кланяется.

Тамъ онъ проводитъ три ночи, и дѣлать они постель.

Онъ вынимаетъ мечъ-Граммъ и кладетъ обнаженнымъ его межъ собою и ей.

Она вопрошаетъ его, что должно означать это.

Онъ говоритъ, что ему суждено было, чтобъ такъ онъ вступилъ со своею супругою въ бракъ, иначе же — смерть.

Тогда онъ кольцо у ней взялъ, и далъ ей другое кольцо изъ наслѣдства Фафнира-Дракона.

Онъ ѣдетъ затѣмъ черезъ тотъ же огонь къ сотоварищамъ.

И снова мѣняются они свои лики.

Былъ день, что онѣ, тѣ двѣ женщины, вмѣстѣ купаться пришли къ рѣкѣ.

Дальше Брингильдъ ушла, чѣмъ Гудрунъ. Спросила Гудрунъ, что это значить.

Брингильдъ говоритъ: —

«Почему тебѣ въ этомъ я должна равной быть, или въ чемъ другомъ? Мнѣ казалось, отецъ мой могущественнѣй твоего, я думала также, мой мужъ совершилъ много безстрашныхъ дѣяній, и чрезъ горячій огонь проскакалъ на конѣ. А мужъ твой — слуга у Іальпрэка конунга».

Съ гнѣвомъ Гудрунъ отвѣчаетъ: —

«Была бъ ты умнѣе, когда бы молчала, чѣмъ мужа язвить моего. Слово есть всѣхъ мужей, что такого, какъ онъ, не рождалось, и порочить его не пристало тебѣ, потому что онъ первый твой мужъ, и имъ это былъ Фафниръ умерщвленъ, и онъ проскакалъ черезъ яркое пламя, гдѣ Гуннара ты конунга думаешь видѣть, и онъ это былъ, что съ тобою лежалъ, и кольцо тебѣ далъ съ руки своей, и кольцо твое взялъ, и вотъ, его можешь признать».

Брингильдъ на кольцо поглядѣла, и признала его.

Она поблѣднѣла, какъ будто бы мертвой была.

Брингильдъ домой возвратилась, и ни слова не молвила въ вечеръ.

Приходитъ Гуннаръ, вопрошаетъ, что значить ея печаль, и не можетъ ли онъ ей помочь.

Брингильдъ говоритъ: —

«Жить не буду я. Потому что Сигурдъ обманулъ меня, и не меньше тебя обманулъ, когда

ты дозволилъ ему войти въ постель мою. Не буду я двухъ мужей въ чертогѣ имѣть однимъ. Долженъ Сигурдъ умереть, или я, или ты, потому что онъ все разсказалъ Гудрунъ, и она попрекаетъ меня.

Въ мести клянется Гуннаръ.

Къ Хёгни онъ держитъ рѣчь, о Сигурдѣ совѣтуется.

«Въ чемъ преступленье»,

Промолвилъ Хёгни,

«Что ты задумалъ
Его убить?»

«— Сигурдъ далъ клятву,

Нарушилъ клятвы,

Онъ мой обманщикъ,

Хранитель клятвъ».

«— Брингильдъ на злобу

Тебя смущаетъ,

Внушаетъ злое,

Чтобъ боль свершить.

«Къ Гудрунъ въ ней зависть

За бракъ хорошій,

Тебѣ зловолитъ

За добрый бракъ».

Одни взялись тутъ

За волчье мясо,

Другіе взяли

Куски змѣи.

Изжаривъ, дали

Поѣсть Готторму.

Вкусилъ онъ волка

Предъ дѣломъ злымъ.

Змѣи поѣли,

Предъ тѣмъ какъ руку
Поднять на мужа,
Который мудръ.

Сигурдъ сраженъ былъ,
На югъ отъ Рейна,
И съ вѣтки воронъ
Такъ провѣщаль: —
«Властитель Гунновъ,
Могучій Атли,
Окрасить кровью
Свои мечи.
Для тѣхъ, кто спорщикъ,
Уничтоженъ,
Въ невѣрной клятвѣ
Ударъ мечомъ».

Гудрунъ, дочь Гьюки,
Стоитъ на волѣ
И первымъ словомъ
Такъ говоритъ: —
«Властитель смѣлыхъ,
Сигурдъ, Сигурдъ гдѣ?
Мои родные
Глядятъ впередъ!»
Но ей отвѣтилъ
Одинъ лишь Хёгни: —
«Зарубленъ нами
Мечомъ Сигурдъ.
Зарубленъ смѣлый,
И надъ могучимъ
Главу склоняетъ
Лишь сѣрый конь».
Брингильдъ тутъ смѣхомъ

Такъ разразилась,
Что содрогнулся
Кругомъ весь дворъ.

«Вамъ будутъ земли,
И каждый — витязь,
Затѣмъ что смѣлый
Сраженъ мечомъ».

Гудрунь, дочь Гьюки,
Тогда сказала: —
«Злодѣйски-злобны
Твои слова.

Пусть сила злая
Сомнетъ Гуннара.

Кто жаждалъ мести,
Увидитъ мечь».

Брингильдъ, дочь Будли,
Тогда сказала: —

«Вамъ будутъ земли,
Вашъ будетъ мечъ.
Но всѣмъ бы правиль
Сигурдъ, когда бы
Еще немного

Онъ пожилъ здѣсь.

И не пристало бѣ

Владѣть Сигурду
Наслѣдствомъ Гьюки

И Готовъ тьмой,

Когда родилъ бы

Во власть народу

Онъ жадныхъ къ битвѣ

Пять сыновей».

Быль поздній вечеръ,
Испили много.

Была бесѣда,
Какъ сладкій медъ.
И всѣ заснули,
Кто легъ въ постели,
Но всѣхъ позднѣе
Не спалъ Гуннаръ.
Ногою двигалъ,
О многомъ думалъ,
Сразитель воинствъ,
Онъ размышлялъ,
О чемъ на вѣткахъ
Тамъ говорили
Орель и воронъ
Надъ ихъ путемъ.
Брингильдъ проснулась,
Не спитъ дочь Будли,
Потомокъ царскій,
Предъ свѣтомъ дня.
«Хоть побуждайте,
Хоть мнѣ мѣшайте,
Бѣда случилась,
Я скорбь скажу».
Услышавъ это,
Всѣ замолчали,
Не разумѣя
Тотъ женскій крикъ.
Она же съ плачемъ
То рассказала,
Къ чему со смѣхомъ
Звала мужей.

«Гуннаръ, о, страшный
Мнѣ сонъ приснился,
Всѣ мертвы въ залѣ,

Какъ ледъ постель.
А ты, властитель,
Лишень отрады,
Въ оковахъ ѣдешь
Въ войска враговъ.
Весь родъ Нифлунговъ
Лишится силы,
Клятвопреступны
Вы всѣ, вы всѣ.
Ты не подумаль,
Гуннаръ, что вмѣстѣ
Вы съ нимъ вступали
Въ кровавый слѣдъ.
Ему ты злою
Отмѣриль мѣрой,
За то, что первымъ
Тебя призналъ.
Сдержаль онъ клятву
Передъ тобою,
Когда безстрашно
Пошелъ въ огонь.
Сдержаль онъ клятву,
Какъ мой искатель,
А ты нарушилъ,
И преступилъ.

За тѣмъ, кто смѣлый,
Съ безстрашнымъ сердцемъ,
Какъ лебедь съ влаги,
Я улечу.
Я съ нимъ въ пыланьи
Соединилась,
И смерть судила
Намъ вмѣстѣ быть.

Быль мечъ межъ нами,
Мечъ закаленный,
И съ каплей яда
Вдоль лезвія.
Съ тобой я буду,
Мечомъ сраженный,
И окруженный
Волной огня!»

Все совершилось
По предвѣщанью,
Кто быль убійца,
Убить быль самъ.
Гуннаръ быль брошень
Во дворъ, гдѣ змѣи,
Напрасно арфой
Ихъ чароваль.
Грозой быль Атли,
Рубили Гунны,
Быль звонъ оружья,
Быль стукъ копытъ.
Тѣснились кони,
И въ звукахъ ржанья
Промчались клики
Богатырей.

И мститель Атли,
Хмѣльной, упившись,
Быль безоружный
Убить Гудрунь.
За братьевъ мстила,
Собакъ спустила,
И кровь излила
Концомъ меча.

Сожженъ былъ замокъ,
Дымились стѣны
Чертоговъ пышныхъ
И кладовыхъ.
Упали балки
На пепелище,
Сгорѣли жизни,
Пылалъ огонь.

Грузинская ода къ Тамарь

Тамарь, тебя пою, ты — солнце незаходящей красоты

Твой станъ точеный тонко строенъ и кроткій ликъ являешь ты.

Тамарь, ээирь молніеносный, словесный лугъ цѣлебныхъ травъ,

Ларець познаній, ключъ, текущій среди эдемowychъ дубравъ.

Въ щедротахъ ты подобна морю, высокимъ духомъ — небесамъ,

Ты — милосердые, и смиренье, и упоеніе глазамъ. Изъ края въ край идя съ побѣдой, и славой тронувъ гудъ струны,

Ты побѣдителей сразила, они тобой побѣждены. Ты съ Богомъ раздѣлила страсти Его взнесеннаго креста,

Въ горахъ ты утвердила вѣру, ихъ высота тобой свята.

Всѣ люди власть твою признали, и люди-ль только слились въ хоръ.

Тебѣ подвластны львы въ равнинѣ, тебѣ послушны барсы горъ.

Тебя зовутъ свѣтила—солнцемъ, тебя возносятъ семь планетъ,

Но для пѣвцовъ ты недоступна, и до тебя дороги нѣтъ.

Четырестрочія Вступительныя
къ Грузинской поэмѣ 12-го вѣка
«Носящій Барсову Шкуру»

Онъ, что создалъ сводъ небесный, онъ, что
властію чудесной

Людямъ духъ далъ безтѣлесный, — этотъ міръ
намъ далъ въ удѣлъ.

Мы владѣемъ безпредѣльнымъ, многоразнымъ,
въ разномъ цѣльномъ,

Каждый царь нашъ, въ ликѣ дѣльномъ, ликъ
Его средь царскихъ дѣлъ.

Богъ, создавшій міръ однажды, отъ тебя здѣсь
обликъ каждый.

Дай мнѣ жить любовной жаждой, ей упиться
глубоко.

Дай мнѣ, страстнымъ устремленьемъ, вплоть до
смерти жить томленьемъ,

Бремя сердца, съ свѣтлымъ пѣньемъ, въ міръ
иной снести легко.

Льва, что знаетъ мечъ блестящій, щитъ и копій
свистъ летящій,

Ту, чьи волосы — какъ чаши, чьи уста — рубинъ,
Тамаръ, —

Этотъ лѣсъ кудрей агатный, и рубинъ тотъ
ароматный,

Я хвалою многократной вознесу въ сіяньи чарь.
Не вседневными хвалами, я кровавыми слезами,

Какъ молитвой въ свѣтломъ храмѣ, восхваляю
въ стихахъ ее.

Янтаремъ пишу я чернымъ, тростникомъ черчу
узорнымъ.

Кто къ хваламъ прильнетъ повторнымъ, въ
сердце приметъ онъ копье.

Въ томъ велѣніе царицы, чтобъ воспѣть ея
рѣсницы,

Нѣжность губъ, очей зарницы, и зубовъ жем-
чужный рядъ.

Милый обликъ чернобровой. Наковальнею
свинцовой

Камень твердый и суровый руки мѣткія дробятъ.
О, теперь слова мнѣ нужны. Да пребудутъ въ
связи дружной.

Да звенить напѣвъ жемчужный. Встрѣтитъ по-
мощь Таріэль.

Мысль о немъ — въ словахъ завѣтныхъ, вспо-
минательно привѣтныхъ.

Трехъ героевъ звѣздосвѣтныхъ воспоетъ моя
свирѣль.

Сядьте вы, что съ колыбели тѣхъ же судебъ
волю зрѣли.

Вотъ запѣлъ я, Руставели, въ сердце мнѣ вошло
копье.

До сихъ поръ былъ сказки связной тихій звукъ
однообразный,

А теперь размѣръ алмазный, пѣсня, слушайте ее.
Тотъ, кто любить, кто влюбленный, долженъ
быть весь озаренный,

Юный, быстрый, умудренный, долженъ ярко
видѣть сонъ,

Быть побѣднымъ надъ врагами, знать, что
выразить словами,

Тѣшить мысль, какъ мотыльками, — если жъ
нѣтъ, не любить онъ.

О, любить! любовь есть тайна, свѣтъ, что
льнетъ необычайно.

Неразгаданно, безкрайно свѣтитъ свѣтъ того
огня.

Не простое лишь хотѣнье, это — дымно, это —
тлѣнье,

Здѣсь есть тонкость различенья, — услыхавъ,
пойми меня.

Кто упоренъ въ чувствѣ жданномъ, онъ пребу-
детъ постояннымъ,

Неизмѣннымъ, необманнымъ, — гнетъ разлуки
приметь онъ.

Приметь гнѣвъ онъ, если надо, будетъ грусть
ему отрада.

Тотъ, кто зналъ лишь сладость взгляда, ласки
лишь, — не любить онъ.

Кто, горя сердечной кровью, льнулъ съ тоскою
къ изголовью,

Назоветъ ли онъ любовью эту легкую игру.

Льнуть къ одной, смѣнять другою, это я зову
игрою.

Если-жъ я люблю душою, — цѣлый міръ скорбей
беру.

Только въ томъ любовь достойна, что, любя
тревожно, знойно,

Пряча боль, проходитъ стройно, уходя въ
безлюдье, въ сонъ,

Лишь съ собой забыться смѣетъ, бьется, плачетъ,
пламенѣетъ,

И царей онъ не робѣетъ, но любви робѣетъ онъ.

Связанъ пламеннымъ закономъ, какъ въ лѣсу
идя зеленомъ,

Не предасть нескромнымъ стономъ имя милой
для стыда.

И, бѣжа разоблаченья, приметъ съ радостью
мученья,

Все для милой, хоть сожженье, въ томъ восторгъ,
а не бѣда.

Кто тому повѣрить можетъ, что любимой имя
вложить

Въ пересуды? Онъ тревожитъ — и ее и съ ней себя.
Разъ ославишь, нѣтъ въ томъ славы, лишь дыха-
нiе отравы.

Тотъ, кто сердцемъ нелукавый, бережетъ любовь,
любя.

Той, чей голосъ — звонъ свирѣли, нить свивая изъ
кудели,

Пѣснь сложилъ я, Руставели, умирая отъ любви.
Мой недугъ — неизлѣчимый. Развѣ только отъ
любимой

Свѣтъ придетъ неугасимый, — или, смерть, къ
себѣ зови.

Сказку Персовъ, ихъ намеки, влилъ въ Грузин-
скія я строки.

Цѣнный жемчугъ былъ въ потокѣ. Красота
глубинъ тиха.

Но во имя той прекрасной, передъ кѣмъ я въ
пыткѣ страстной,

Я жемчужинъ отсвѣтъ ясный сжалъ оправою
стиха.

Взоръ, увидѣвъ свѣтъ однажды, преисполненъ
вѣчной жажды

Съ милой быть въ минутѣ каждой. Я безуменъ.
Я погасъ.

Тѣло все опять — горѣнье. Кто поможетъ!
Только пѣнье.

Троекратное хваленье — той, въ которой все —
алмазь.

Что Судьба намъ присудила, намъ должно быть
это мило.

Неизмѣнно, что бѣ ни было, любимъ мы родимый
край.

У работника — работа, у бойца — война за-
бота,

Если жъ любишь, такъ безъ счета вѣрь любви,
и въ ней сгорай.

Пѣть напѣвъъ четырехстрочно, это — мудрость, зна-
нье — точно.

Кто отъ Бога, — полномочно онъ поетъ, пере-
горѣвъъ.

Въ малословьи много скажетъ. Духъ свой съ
слушателемъ свяжетъ.

Мысль всегда пѣвца уважить. Въ мѣрѣ власт-
вуетъ напѣвъъ.

Какъ легко бѣжить свободный конь породы
благородной,

Какъ мячомъ игрокъ природный попадаетъ
мѣтко въ цѣль,

Такъ поэтъ въ поэмѣ сложной ходъ направитъ
безтревожный,

Ткани будто невозможной четко выпрядетъ
кудель.

Вдохновенный въ самомъ трудномъ свѣтитъ
свѣтомъ изумруднымъ.

Грянувъ словомъ многогуднымъ, оправдаетъ
крѣпкій стихъ.

Слово Грузіи могуче. Если сердце въ комъ
пѣвуче,

Блескъ родится въ темной тучѣ, въ летѣ молній
вырѣзныхъ.

Кто когда-то сложить гдѣ-то двѣ-три строчки,
пѣсня спѣта,
Все же — пламенемъ поэта онъ еще не проблеснулъ.
Двѣ-три пѣсни, онъ слагатель, но, когда такой
даятель
Мнить, что вправду онъ создатель, онъ упрямый
только мулъ.
И потомъ. Кто знаетъ пѣнье, кто пойметъ стихо-
творенье,
Но не вѣдаетъ пронзенья, сердце жгущихъ,
острыхъ словъ,
Тотъ еще охотникъ малый, и въ ловитвахъ не
бывалый,
Онъ съ стрѣлою запоздалой къ крупной дичи
не готовъ.
И еще. Забавныхъ пѣсень въ пирный часъ
напѣвъ чудесень.
Кругъ сомкнется, весель, тѣсень. Эти пѣсни
тѣшатъ насъ.
Вѣрно спѣтыя при этомъ. Но лишь тотъ отмѣ-
ченъ свѣтомъ,
Назовется тотъ поэтомъ, долгій кто пропѣлъ
разказъ.
Знаетъ счетъ поэтъ усилю. Пѣсень даръ не
бросить пылью.
И всему онъ изобилью быть велить усладой-ей,
Той, кого зоветъ любовью, передъ кѣмъ блеснетъ
онъ новью,
Кто, его владѣя кровью, пѣть ему велить
звучнѣй.
Только ей — его горѣнья. Пусть же слышать той
хваленья,
Въ комъ нашелъ я прославленье, въ комъ
удѣлъ блестящій мой.

Хоть жестока, какъ пантера, въ ней вся жизнь
моя и вѣра.

Это имя въ токъ размѣра я позднѣй внесу съ
хвалой.

О любви пою верховной — неземной и безгрѣхо-
вной.

Стихъ объ этомъ полнословный трудно спѣть,
бѣгутъ слова.

Та любовь отъ доли тѣсной душу мчитъ въ
просторъ небесный.

Свѣтъ сверкаетъ въ ней безвѣстный, здѣсь лишь
видимый едва.

Говорить объ этомъ трудно. Даже мудрымъ
многочудна

Та любовь. И здѣсь не скудно, — многощедро, —
пой и пой.

Все сказать о ней нѣтъ власти. Лишь скажу:
Земныя страсти

Подражаютъ ей отчасти, зажигаая отблескъ
свой.

По-Арабски, кто влюбленный, тотъ безумный.
Точно сонный,

Видитъ онъ невоплощенной уводящую мечту.
Тѣмъ желанна близость Бога. Но пространна
та дорога.

Эти прямо, отъ порога, досягаютъ красоту.
Я дивлюсь, зачѣмъ безправно, то, что тайно,
дѣлать явно.

Мысль людская своенравна. Для чего любовь
— стыдить?

Всякій срокъ здѣсь — слишкомъ рано. День
придетъ, не тронь тумана.

О, любовь — сплошная рана. Рану — нужно ль
бередить?

Если тотъ, кто любить, плачетъ, это только то
и значить,
Что въ себѣ онъ жало прячетъ. Любишь, —
знай же тишину.
И среди людей, средь шума, объ одной пусть
будеть дума,
Но красиво, не угрюмо, скрытно, все лоби
одну.

Радость-дитя

«Нѣтъ мнѣ названья,
«Мнѣ только два дня».
Какъ же назвать?
«Нѣтъ счастливѣй меня;
«Радость — названье мое.»
Нѣжная радость
Да будетъ съ тобой,
Свѣтлая радость
Меч ой голубой
Смотрится въ сердце твое.
Нѣжная радость,
Есть-ли нѣжнѣй?
Свѣтлая радость
Только двухъ дней: —
Слушай съ улыбкой,
Я пѣсню пою,
Пѣсней привѣтствую
Радость мою.

Маленькій мальчикъ, потерявшійся

«Отецъ, отецъ, куда ты идешь?»

«О, не иди такъ быстро!»

«Отвѣть мнѣ, отецъ, я твой маленькій мальчикъ,

«Иначе я потеряюсь».

Ночь была темна, не было отца,

Ребенокъ измокъ отъ росы;

Глубока была топь, и плакалъ ребенокъ,

И прочь улетали туманы.

Маленькій мальчикъ, найденный

Маленькій мальчикъ въ пустынномъ болотѣ,
Влекомый блуждающимъ свѣтомъ,
Началь рыдать, но Богъ, всегда близкій,
Предсталъ, какъ отецъ, весь въ бѣломъ.

Онъ склонился къ нему, и за руку взялъ,
И, цѣлуя, привелъ его къ матери,
Въ то время какъ, блѣдная, въ долину пустынной,
Она искала любимаго мальчика.

Колыбельная пѣсня

Сладость сновъ, сойди, какъ тѣнь,
Сонъ, дитя мое одѣнь.
Сны, сойдите, какъ ручей
Лунныхъ ласковыхъ лучей.

Сладкій сонъ, какъ нѣжный пухъ,
Убаюкай дѣтскій слухъ.
Ангель кроткій, сладкій сонъ,
Обступи со всѣхъ сторонъ.

Смѣхъ, сверкай во тьмѣ ночей
Надъ отрадою моею.
Будь съ нимъ лучшей изъ утѣхъ,
Материнскій нѣжный смѣхъ.

Каждой жалобѣ шепни: —
Задремли и отдохни.
Каждой жалобѣ скажи: —
Крылья легкія сложи.

Спи, дитя, счастливымъ сномъ,
Цѣлый міръ уснулъ кругомъ.
Спи же, спи, родимый мой,
Я поплачу надъ тобой.

Предо мной священный ликъ
На твоёмъ лицѣ возникъ,

Твой Создатель здѣсь, во снѣ,
Горько плакалъ обо мнѣ.

Какъ невинное дитя,
Плакалъ, глазками блестя,
О тебѣ и обо всѣхъ,
И слезами смылъ нашъ грѣхъ.

И теперь глядитъ, любя,
Онъ съ улыбкой на тебя,
Въ снахъ ребенка спитъ онъ самъ.
Миръ землѣ и небесамъ.

Ночь

Скрылось солнце въ сонной дали,
Горитъ вечерняя звѣзда.
Птицы въ гнѣздахъ замолчали,
Я своего ищу гнѣзда.

Сводъ небесный высокъ,
И луна, какъ цвѣтокъ,
Неба тихая дочь,
Ясно смотреть на ночь.

Миръ вамъ, доли, рощи, нивы,
Гдѣ былъ восторгъ веселыхъ стадъ,
Гдѣ, легки и молчаливы,
Блуждая, ангелы блестятъ.

Ихъ нельзя увидать,
Но отъ нихъ благодать —
Всѣмъ листьямъ и цвѣтамъ,
Всѣмъ вздыхающимъ снамъ.

То въ кусты они заглянуть,
Тепло ли птичкамъ въ ихъ гнѣздѣ.
То у норъ звѣриныхъ встануть,
Посмотрятъ, нѣтъ ли боли гдѣ.

Чуть кто горько вздохнетъ,
Пусть скорѣй онъ уснетъ,
Близъ него посидятъ,
Усыпятъ умъ и взглядъ.

Если волки жадно воютъ,
Они, жалѣя ихъ, стоятъ,
Грустнымъ видомъ успокоютъ,
И малыхъ агнцевъ сохранятъ.

Если жь, робокъ и тихъ,
Кто погибнетъ изъ нихъ,
Всѣхъ загубленныхъ тутъ
Въ новый мѣръ поведутъ.

Тайна любви

Не ищи сказать любовь,
Разсказать ее нельзя.
Нѣжный вѣтеръ движется
Молча и невидимо.

Я сказалъ свою любовь,
Все ей сердце разсказалъ,
Съ трепетомъ и съ ужасомъ.
Ахъ, она сокрылась прочь.

Только что ушла она,
Странникъ мимо путь держалъ,
Молча и невидимо.
Вздохомъ онъ унесъ ее!

Тигръ

Тигръ, Тигръ, жгучій страхъ,
Ты горишь въ ночныхъ лѣсахъ.
Чей безсмертный взоръ, любя,
Создалъ страшнаго тебя?

Въ небесахъ иль средь зыбей
Вспыхнулъ блескъ твоихъ очей?
Какъ дерзалъ онъ такъ парить?
Кто посмѣлъ огонь схватить?

Кто скрутилъ и для чего
Нервы сердца твоего?
Чьею страшною рукой
Ты былъ выкованъ — такой?

Чей былъ молотъ, цѣпи чьи,
Чтобъ скрѣпить мечты твои?
Кто взметнулъ твой быстрый взмахъ,
Ухватилъ смертельный страхъ?

Въ тотъ великій часъ, когда
Возвала къ звѣздѣ звѣзда,
Въ часъ, какъ небо все зажглось
Влажнымъ блескомъ звѣздныхъ слезъ, —

Онъ, созданіе любя,
Улыбнулся ль на тебя?
Тотъ же ль онъ тебя создалъ,
Кто рожденье агнцу далъ?

Книга Тэль

1

Дщери Серафима водили кругомъ
Свои золотыя стада,
Всѣ кромѣ младшей: Блѣдная,
Искала она сокровеннаго воздуха,
Чтобъ увянуть, подобно утренней ясности,
Уйти отъ смертнаго дня своего.
Внизъ по рѣкѣ Адонѣ
Слышится нѣжный голосъ ея,
И какъ капли разсвѣтныя, капли росы,
Упадаетъ тихая жалоба.
«О, жизнь вотъ этого Ключа,
«Жизнь нашего Источника.
«Для чего увядаетъ водный лотосъ?
«Для чего увядаютъ эти чада Источника,
«Рожденные только затѣмъ,
«Чтобъ улыбнуться и пропасть?
«А! Тэль — какъ взнесенная влагою радуга,
«И какъ уходящее облако,
«Какъ отраженіе въ зеркалѣ,
«Какъ тѣни въ водѣ,
«Какъ дѣтскіе сны, какъ улыбка на дѣтскомъ
лицѣ,
«Какъ голосъ тоскующей горлицы,
«Какъ день преходящій, какъ музыка въ воздухѣ.

«А! если бь хоть лечь мнѣ тихонько,
«Головою тихонько припасть,
«И спать такъ, дремать,
«Сномъ тихимъ, сномъ смерти,
«И слушать тихонько голосъ Того,
«Кто ходитъ въ саду въ вечернее время».

Дыша межъ смиренныхъ травъ,
Скромная Лилія Долины
Отвѣчала кроткой дѣвственницѣ такъ: —
«Я водная поросль, произрастеніе,
«И такая я малая,
«И люблю я быть въ низкихъ долинахъ,
«Такая я слабая,
«Что едва мотылекъ золотистый
«На главѣ моей можетъ присѣсть.
«Но меня Небеса посѣтили,
«И Тотъ, Кто взираетъ съ улыбкой на все,
«Проходя по долинѣ,
«Каждое утро,
«Длань надо мною Свою простираетъ,
«И мнѣ говорить: —
«Радуйся, травка смиренная,
«Новорожденный лилейный цвѣтокъ,
«Кроткая дѣва долинь молчаливыхъ и скромныхъ
ключей;

«Ибо ты будешь одѣта въ сіяніе,
«И будешь напитана манною утра,
«Пока лѣтній зной не растопитъ тебя,
«Близъ ручьевъ и ключей, чтобъ ты расцвѣла
«Въ безсмертныхъ долинахъ».
«О чемъ же печалится Тэль?
«О чемъ же вздыхать владычицѣ Гарскихъ
долинъ?»

Она умолкла, въ слезахъ улыбнулась,
И замкнулась въ своемъ серебристомъ свя-
ти-
лицѣ.

И отвѣтила Тэль: —

«О, смиренная дѣва мирной долины,
«Дары свои тѣмъ отдающая, кто не можетъ
потребовать,
«Безгласнымъ, усталымъ; дыханье твое
«Питаешь ягненка невиннаго,
«Онъ вдыхаетъ воздухъ одеждъ твоихъ млечныхъ,
«Онъ срѣзаетъ твои цвѣты,
«А ты глядишь, улыбаешься прямо ему въ лицо,
«Стирая съ его кротко-мягкаго рта
«Заразительность пятенъ.
«Твое вино очищаетъ
«Золотистый медъ;
«Твое благовонье, которое ты разсыпаешь
«По каждому малому листику возникающихъ
травъ,
«Оживляетъ тучныхъ коровъ,
«Укрощаетъ коней огнедышащихъ.
«А Тэль — какъ невѣрное облако,
«Зажженное солнцемъ встающимъ: —
«Я исчезаю,
«Я оставляю престоль свой жемчужный,
«И кто мое мѣсто найдетъ?»
«Царица долинъ», отвѣчала ей Лилія,
«Вопроси вонъ то нѣжное облако,
«Почему оно искрится въ утреннемъ небѣ,
«Почему развѣваетъ по влажному воздуху
«Блестящестъ своей красоты.
«Снизойди, о, малое облачко,
«И помедли предъ взорами Тэль».

«Все, что живетъ, живетъ не одно, не для себя
одного.

«Не бойся, Червя воззову я безсильнаго

«Съ низкаго ложа его,

«И ты его голосъ услышишь.

«Приди, о, Червь безмолвной долины,

«Къ царицѣ задумавшейся».

Безпомощный Червь поднялся,

И на лилейномъ листкѣ помѣстился,

А блестящее Облако дальше поплыло, впередъ,

Чтобъ найти подругу въ долинѣ.

3

Тогда Тэль, удивленная,

На Червя посмотрѣла,

Межъ тѣмъ какъ раскинулся онъ на росистомъ
ложѣ своемъ.

«Неужели ты — Червь, образъ слабости?

«Я вижу тебя какъ ребенка,

«Закутаннымъ въ нѣжный лилейный листокъ.

«О, не плачь, малый голосъ;

«Говорить ты не можешь, но можешь ты плакать.

«Это — Червь?

«Я вижу тебя, ты лежишь, обнаженный, беспо-
мощный,

«Въ слезахъ, и никто не отвѣтитъ тебѣ,

«Приласкать тебя некому

«Съ материнской улыбкой».

Глыба Земли услышала голосъ Червя,

И, проникнувшись жалостью,

Главу подняла свою,

Надъ ребенкомъ заплакавшимъ нѣжно скло-
 нилась она,
 Млечною нѣжностью жизнь ея тайнодохнула,
 Потомъ устремила на Тэль она пристальный
 взглядъ
 Смиранныхъ очей своихъ.

«О, красота этихъ Гарскихъ долинъ,
 «Не для себя самихъ мы живемъ.
 «Ты видишь, кажусь я и скудной и низкой
 такою.

«Я и есть такова.
 «Сама по себѣ, грудь моя холодна,
 «Темна моя грудь, сама по себѣ;
 «Но Тотъ, Кто любить всѣхъ скудныхъ,
 «На главу мою миро свое изливаетъ,
 «И цѣлуетъ меня, и обвязываетъ
 «Перевязь свадебную
 «Вкругъ груди моей, самъ говоря: —
 «Мать дѣтей моихъ, Я полюбилъ тебя,
 «И вѣнецъ тебѣ дамъ, тотъ вѣнецъ
 «Никто не возможетъ отнять.
 «Но какъ это, нѣжная дѣва, —
 «Я просто не знаю,
 «Какъ могу это знать я?
 «Размышляю надъ этимъ и все жь размышлять
 не могу,
 «Но вотъ я живу и люблю».

Дщерь Красоты отерла
 Глаза свои скорбные бѣлымъ покровомъ своимъ,
 И молвила: «Ахъ, я не знала этого,
 «Потому я и плакала.
 «Богъ любить Червя,

«Онъ накажетъ ту злую стопу, что умышленно
«Будеть давить беззащитную форму.

«Это я знала;

«Но что въ пищу ему Онъ даетъ млеко и миро,

«Этого я никогда не слыхала, не знала — и пла-
кала.

«И въ воздухѣ кроткомъ я жаловалась,

«Ибо я увядаю,

«И ложусь на холодное лоно твое,

«Свой блестящій удѣлъ покидаю».

«Царица Долины», отвѣтила ей праматерь Земля,

«Я слышала вздохи твои,

«И всѣ твои жалобы

«Надъ кровлей моей пролетали,

«Но я позвала ихъ внизъ.

«Хочешь ли ты, о, царица, войти въ мой домъ?

«Дано тебѣ въ домъ мой войти и вновь возвра-
титься;

«Не бойся же здѣсь ничего,

«Да вступишь сюда, о, дѣвственная».

4

Страшный Привратникъ вѣчныхъ вратъ

Поднялъ сѣверный засовъ;

Тэль вошла и увидѣла тайны страны невѣдомой.

Она увидала постели мертвыхъ и тѣ мѣста,

Гдѣ волокнистый корень cadaго сердца

Глубоко на землѣ отпечатываетъ

Изгибы свои ненасытные;

Увидала страну печали и слезъ,

Гдѣ никогда не бывало улыбки.

Блуждала она въ краѣ тучъ,

Въ странѣ, гдѣ долины темныя,
Слушала вопли и жалобы,
Вдругъ останавливалась,
Плакала возлѣ росистыхъ могилъ.
Она стояла въ молчаніи,
Вникала она въ голоса глубинъ,
Межъ могилъ пришла къ своей собственной,
Тамъ сѣла она, и услышала
Голосъ скорби, примчавшійся,
Какъ вздохъ, изъ пустой и глубокой ямы.
«Почему слухъ не можетъ закрыться
«Для собственной гибели?
«Или блистающій глазъ
«Для отравы улыбки?
«Почему наполнены вѣки стрѣлами,
«Остріями, готовыми тотчасъ убить?
«Тамъ тысяча, смерть приносящихъ, воителей
«Въ засадѣ лежитъ, —
«Или глазъ даровъ, глазъ щедротъ, устремляющій
«Дождь плодовъ и чеканнаго золота.
«Зачѣмъ заклеименъ нашъ языкъ
«Медомъ отъ каждаго вѣтра?
«Зачѣмъ слухъ, этотъ водоворотъ,
«Свирѣпо въ себя вбирающій сѣть мірозданій?
«Зачѣмъ ноздри, широко вдыхающія ужасъ,
«Дрожащія, ноздри испуганныя?
«Зачѣмъ узда щекочущая
«На пламенномъ юношѣ?
«Зачѣмъ низкая эта завѣса —
«Тѣло на ложѣ нашихъ желаній?»

Тѣль вскочила, и съ крикомъ назадъ побѣжала,
Безпрепятственно,
Пока не достигла знакомыхъ Гарскихъ долинъ.

Кубла Ханъ

Въ странѣ Ксанадъ благословенной
Дворецъ построилъ Кубла Ханъ,
Гдѣ Альфъ бѣжитъ, потокъ священный,
Сквозь мглу пещеръ гигантскихъ, пѣнный,
Впадаетъ въ сонный океанъ.

На десять миль оградой стѣнъ и башенъ
Оазисъ плодородный окружень,
Садами и ручьями онъ украшень,
Въ немъ оиміамъ цвѣты струять сквозь сонъ,
И древній лѣсъ, роскошень и печалень,
Блится тамъ воздушностью прогалинь.

Но между кедровъ, полныхъ тишиной,
Расщелина по склону ниспадала.
О, никогда подъ блѣдною луной
Такъ пышень не былъ тотъ уютъ лѣсной,
Гдѣ женщина о демонѣ рыдала.
Плѣнительное мѣсто! Изъ него,
Въ кипѣнни непрерывнаго волненья,
Земля, какъ бы не въ силахъ своего
Сдержатъ неумолимаго мученья,
Роняла внизъ обломки, точно звенья
Тяжелой цѣпи: Между этихъ скалъ,
Гдѣ камень съ камнемъ бѣшено плясаль,
Рождалося внезапное теченье,

Заклучить тогда бѣ я могъ
Эти льдистыя пещеры,
Этотъ солнечный чертогъ.

Ихъ всѣ бы ясно увидали
Надъ зыбью, полной звоновъ, дали,
И крикъ пронесся бѣ, какъ гроза: —
Сюда, скорѣй сюда, глядите,
О, какъ горять его глаза!
Предъ пѣснопѣвцемъ взоръ склоните,
И, этой грезы слыша звонъ,
Сомкнемся тѣснымъ хороводомъ,
Затѣмъ что онъ воскормленъ медомъ
И млекоу Рая напоень!

Уединеніе

Я говорю: Какое побужденъе,
Какой толчокъ втеченьи долгихъ лѣтъ
Отшельника манилъ въ лѣсную чашу
Къ его безмолвной кельѣ? Что его
Въ пустынь укрѣпляться заставляло,
Какъ бы бросать тамъ навсегда свой якорь,
Пока онъ не смежитъ свои глаза,
Въ послѣдній разъ пославъ свой взглядъ про-
щальный

На солнце и на звѣзды? — О, не только
Страхъ предъ мечомъ грозящимъ, угрызенья,
Обиды непоправленныя рокомъ,
И оскорбленій боль неотомщенныхъ,
Такихъ, что отомстить за нихъ нельзя,
Растоптанная гордость, перемѣна
Въ благополучьи, ужасъ нищеты,
Что умъ на край безумія приводитъ,
Обманутая дружба, боль влеченья,
Въ другомъ не пробудившаго взаимность,
Съ отчаяніемъ слитая любовь,
Иль мука, что дошла до агоніи; —
Онъ не всегда бѣжалъ отъ нестерпимыхъ
Невыносимыхъ пытокъ; но нерѣдко,
Влекомый безмятежнымъ наслажденъемъ,
Онъ счастья искалъ, свободы, мира;
Затѣмъ что въ нашемъ счастьи — ощущенъе
Центральное есть миръ.

Ему хотѣлось видѣть постоянство,
Что было, есть и будетъ безконечно,
Себѣ такой награды онъ искалъ.
И что другое было твердой скрѣпой
Для братства, что воздвигло монастырь,
Высоко на скалѣ, — пріютъ воздушный, —
Или въ уединенія долины, —
Что привлекло ихъ всѣхъ изъ дальнихъ мѣстъ,
Содружествомъ ихъ сливши неразрывнымъ? —
Инстинктъ успокоенія всемірный,
Желанье подтвержденнаго покоя,
Внутри и внѣ; возвышенность, смиренность;
Жизнь, гдѣ воспоминанье и надежда
Слились въ одно, и гдѣ земля спокойна,
Гдѣ ликъ ея мѣняется едва
Работой рукъ для нуждъ неприхотливыхъ,
Иль силою круговращенья года,
Гдѣ царствуетъ бессмертная Душа,
Въ согласіи съ своимъ закономъ яснымъ,
И небо для услады созерцанья
Открыто въ невозбранной тишинѣ.

Прометей

Отрывокъ

Ты — символъ смертныхъ, ихъ борьбы,
Ихъ бѣдъ, ихъ силы, и судьбы,
Ты — яркій знакъ земной печали.
Какъ ты, людское существо —
Наполовину божество,
Ручей, что чистъ въ своемъ началѣ,
Но льется мутною волной.
Мы можемъ частію предвидѣть
Могильный нашъ удѣлъ земной,
Впередъ страдать и ненавидѣть.
Но всѣмъ проклятыямъ вѣчной тьмы,
Всей этой горечи и боли,
Противоставить можемъ мы
Нашъ духъ, упорство твердой воли,
И эту чувства глубину,
Что даже въ ужасахъ терзанья
Провидѣть можетъ воздаянне,
Порвать надъ тайной пелену,
И гордо презирая бѣды,
Не дастъ себя поработить,
И будетъ властна превратить
Мгновенье смерти въ мигъ побѣды.

СТАНСЫ ДЛѢ МУЗЫКИ

1

Кто сравнится въ высшемъ спорѣ
Красотой съ тобой?
Точно музыка на морѣ
Нѣжный голосъ твой.
Точно музыка въ туманѣ
На далекомъ океанѣ,
Въ часъ, какъ вѣтры, въ сладкихъ снахъ,
Чуть трепещутъ на волнахъ.

2

Въ полночь мѣсяцъ чуть колышетъ
Воды въ глубинѣ;
Лоно моря еле дышетъ,
Какъ дитя во снѣ.
Такъ душа, полна мечтою,
Чутко дышетъ красотою;
Нѣжно въ ней растетъ прибой,
Зачарованный тобой.

Облако

Прохладу дождей, и съ ручьевъ и съ морей,
Я несу истомленнымъ цвѣтамъ,
Въ удушливый день мимолетную тѣнь
Я даю задремавшимъ листамъ.
Живую росу на крылахъ я несу,
Пробуждаю ей почки отъ сна,
Межь тѣмъ какъ легли они къ груди земли,
Пока пляшетъ вкругъ солнца она.
Бичующій градъ моей дланью подъятъ,
Я подъ громъ, какъ цѣпомъ, молочу,
Бѣлѣтъ вкругъ зеленѣющей лугъ,
Брызнетъ дождь, — и опять я молчу.

Въ горахъ съ высоты сѣю снѣгъ на хребты,
И гигантскія сосны дрожать;
Всю ночь на снѣгахъ я покоюсь въ мечтахъ,
И съ грозой обнимаюсь, какъ братъ.
На башнѣ моей средь воздушныхъ зыбей
Блещетъ молніи пламенный щитъ,
И скованный громъ ворчитъ предъ дождемъ,
То умолкнетъ, то вновь зарычитъ;
Надъ гладью земной, надъ морской глубиной,
Я плыву въ нѣжномъ пурпурѣ дня.
И молній полетъ все впередъ и впередъ
Увлекаетъ какъ кормчій меня;
Надъ цѣпью холмовъ, надъ семьей ручейковъ,
Надъ пространствомъ озеръ и полей,

Мой кормчій спѣшить, и спѣшить, и бѣжить,
Разжигаетъ порывы огней,
Подъ небомъ роднымъ улыбаюсь я съ нимъ
И внимаю потокамъ дождей.

Кровавый восходъ, выростая, плыветъ,
Возродитель земли и воды.
Горитъ его взоръ, какъ ночной метеоръ, —
Гаснетъ свѣтъ предразсвѣтной звѣзды;
На спину ко мнѣ онъ вспрыгвѣгъ весь въ огнѣ,
И расширятся крылья его: —
На камни скалы такъ садятся орлы,
Затаивши въ груди торжество.
А въ часъ какъ закатъ свой багряный нарядъ
Простираетъ надъ сонною мглой,
И въ свѣтлый туманъ разодѣтъ океанъ,
И повсюду любовь и покой,
Я крылья сверну, и какъ голубь усну
Высоко, высоко надъ землей.

Въ вѣнцѣ изъ огня нѣжить дѣва меня,
Что у смертныхъ зовется луной,
Проходитъ она по извивамъ руна,
Что взлелѣяно влагой ночной;
Чуть слышны шаги той незримой ноги,
Только ангеламъ внятны они,
Отъ этихъ шаговъ сквозь раздвинутый кровъ
Многозвѣздные смотрятъ огни,
Я съ ними горю, и смѣюсь, и смотрю,
Какъ они, точно пчелы, кишать,
Вперяю въ нихъ взоръ, раздвигаю шатеръ,
Золотистыя роемъ спѣщать,
Озера, моря, ихъ лучами горя,
Какъ обломки лазури лежать.

Тронъ солнца свяжу, и огнемъ окружу,
И какъ жемчугъ я выюсь надъ луной;
Вулканы дрожать, звѣзды гаснуть спѣшатъ,
Увидавши мой стягъ боевой.

Отъ мыса на мысъ, то къ высотамъ, то внизъ,
Надъ пучиной кипучихъ морей,
Какъ мостъ протянусь, и на горы опрусь,
Какъ преграда для жгучихъ лучей.

Сквозь радуги сводъ прохожу я впередъ,
Съ ураганомъ, со снѣгомъ, съ огнемъ.
То арка побѣдъ, что въ измѣнчивый цвѣтъ
Разукрашена пышно кругомъ,
Лучи сплетены, горячи и нѣжны,
И смѣется земля подъ дождемъ.

Изъ водъ на землѣ я рождаюсь во мглѣ,
Я кормилицей небо зову,
Таюсь въ берегахъ и шумящихъ волнахъ,
Измѣняюсь, но вѣчно живу.
И стихнетъ ли громъ, и нигдѣ ни пятномъ
Не запятнанъ небесный шатеръ,
И вѣтры скорѣй, вмѣстѣ съ роемъ лучей
Воздвигаютъ лазурный соборъ, —
Я молча смѣюсь, въ саркофагѣ таюсь,
Поднимаюсь изъ пропасти бурь,
Какъ призракъ ночной, промелькну бѣлизной,
И опять разрушаю лазурь.

Къ жаворонку

1

Пѣнья духъ чудесный,
Ты не птичка, нѣтъ!
Съ высоты небесной,
Гдѣ лазурь и свѣтъ,
Ты пѣсней неземной на землю шлешь привѣтъ!

2

Тучкою огнистой
Къ небесамъ ты льнешь,
И въ лазури чистой
Звукъ за звукомъ льешь,
И съ пѣсней въ высь летишь, и, въ высь летя,
поешь.

3

Въ блескѣ золотистомъ
Гаснущаго дня,
Въ облакѣ лучистомъ,
Въ морѣ изъ огня,
Рѣзвишься ты, какъ духъ, порхая и звеня.

4

Блѣдный вечеръ, тая,
Вкругъ тебя дрожить;

Какъ звѣзда, блистая,
Днемъ свой ликъ таитъ,
Такъ въ небѣ ты незримъ, но пѣснь твоя звучитъ.

5

Гимнъ твой серебристый
Какъ звѣзды привѣтъ: —
Блещетъ день лучистый,
Меркнетъ звѣздный свѣтъ;
Съ земли не видно намъ, горитъ она иль нѣтъ.

6

Небеса съ землею
Звуками полны;
Такъ порой ночью
Вспыхнетъ лучъ луны, —
Вмигъ ласкою ея поля озарены.

7

Кто ты, духъ чудесный?
Кто тебя нѣжнѣй?
Радуги небесной
Красота — блѣднѣй,
Чѣмъ лучезарный дождь мелодіи твоей.

8

Такъ поэтъ, плѣненный
Блескомъ свѣтлыхъ думъ,
Пѣсней отдаленной
Будитъ чуткій умъ,
И міръ ему даритъ рукоплесканій шумъ.

9

Такъ прекрасной дѣвы, —
Точно въ полуснѣ, —
Сладкіе напѣвы
Льются въ тишинѣ;
Въ нихъ — красота любви, въ нихъ свѣтлый
гимнъ веснѣ.

10

Такъ въ лѣсу росистомъ
Въ часъ ночной — свѣтлякъ
Блескомъ золотистымъ
Разсѣкаетъ мракъ,
Невидимый горитъ цвѣтовъ и травъ маякъ.

11

Такъ въ саду, блистая,
Розы въ полдень спятъ;
Вѣтерку внимая,
Дышутъ и дрожатъ;
Роняя лепестки, льютъ нѣжный ароматъ.

12

Солнца отблескъ чудный,
Вешній цвѣтъ вѣтвей,
Дождикъ изумрудный
Съ музыкой своей, —
Блѣднѣетъ въ мірѣ все предъ пѣснею твоей.

13

Музыки небесной
Тайну намъ открой,
Птичка, духъ чудесный,

Я молю съ тоской,
Я не слыхалъ нигдѣ гармоніи такой.

14

Хоры Гименея
 Намъ дарятъ привѣтъ;
 Предъ тобой блѣднѣя,
 Меркнетъ этотъ свѣтъ;
Мы чувствуемъ душой, что въ нихъ чего-то нѣтъ.

15

Гдѣ родникъ кипучій
 Пѣсенъ золотыхъ?
Волны или тучи
 Нашептали ихъ?
Иль ты сама любовь? Иль чуждъ ты мукъ
 земныхъ?

16

Въ переливахъ ясныхъ,
 Что звенять вокругъ,
Лишь восторговъ страстныхъ
 Слышенъ яркій звукъ,
Любя, не знаешь ты любовныхъ горькихъ мукъ.

17

Тайну смерти мрачной
 Вѣрно понялъ ты,
Оттого съ прозрачной
 Свѣтлой высоты
Намъ, смертнымъ, шлешь свой гимнъ кристаль-
 ной чистоты.

18

Жизнь мы полной чашей
Пьемъ, пока — весна;
Но въ улыбкѣ нашей
Искра слезъ видна,
Тѣ пѣсни любимъ мы, въ которыхъ грусть
слышна.

19

Но когда-бъ печали
Къ намъ толпой не шли, —
Если бъ рай намъ дали,
Пасынкамъ земли, —
Мы въ радости съ тобой сравняться-бъ не могли.

20

Музыки нѣжнѣе,
Льющейся волной, —
Глубже и полнѣе
Мудрости земной, —
Та пѣснь, съ которой ты несешься въ міръ иной.

21

Если бъ пѣсни ясной
Часть я взялъ себѣ,
Лился-бъ гимнъ прекрасный
Людямъ въ ихъ борьбѣ: —
Мнѣ-бъ цѣлый міръ внималъ, какъ внемлю я
тебѣ!

Мимоза

I

Мимоза невинной сіяла красой,
Питалъ ее вѣтеръ сребристой росой,
И къ солнцу она обращала листы,
Чтобъ ночью опять погрузиться въ мечты.

Въ прекрасномъ саду пробудилась отъ сна,
Какъ Геній Любви, молодая Весна,
Траву и цвѣты пробудила для грезъ,
Заставивъ забыть ихъ про зимній морозъ.

Но въ полѣ, въ саду, и въ лѣсу, и у скаль,
Никто такъ о нѣжной любви не мечталъ,
Какъ лань молодая въ полуденный зной,
Съ Мимозой сродняясь мечтою одной.

Раскрылся подсяѣжникъ подъ лаской тепла,
Фіалка отъ вешнихъ дождей расцвѣла,
И слился ихъ запахъ съ дыханьемъ весны,
Какъ съ пѣньемъ сливается рокоть струны.

Любовью тюльпанъ и горчанка зажглись;
И дивный красавецъ, влюбленный нарцисъ,
Расцвѣлъ надъ ручьемъ и глядитъ на себя,
Пока не умретъ, безконечно любя;

И ландышъ, подобный Наядѣ лѣсной,
Онъ блѣденъ отъ страсти, онъ любить весной;
Сквозить изъ листвы, какъ любовный привѣтъ,
Его колокольчиковъ трепетный свѣтъ.

Опять гіацинтъ возгордился собой,
Здѣсь бѣлый, пурпурный, а тамъ голубой,
Его колокольчики тихо звенять, —
Тѣ звуки нѣжнѣй, чѣмъ его аромать;

И роза какъ нимфа, — возставши отъ сна,
Роскошную грудь обнажаетъ она,
Снимаетъ покровъ свой, купаться спѣшить,
А воздухъ влюбленный къ ней льнетъ и дрожить;

И лилія свѣтлую чашу взяла,
И вверхъ, какъ Вакханка, ее подняла,
На ней, какъ звѣзда, загорѣлась роса,
И взоръ ея глазъ устремленъ въ небеса;

Нарядный жасминъ, и аютинъ глазокъ,
И съ нимъ туберозы душистый цвѣтокъ,
Весною съ концовъ отдаленныхъ земли
Цвѣты собрались въ этотъ садъ и цвѣли.

Подъ ласковой тѣнью зеленыхъ вѣтвей,
Подъ искристымъ свѣтомъ горячихъ лучей,
Надъ гладью измѣнчивой, гладью рѣчной,
Дрожали кувшинки, цѣлуясь съ волной.

И лютики пестрой толпой собрались,
И почки цвѣтовъ на вѣтвяхъ налились;
А водный пѣвучій потокъ трепеталъ,
И въ тысячѣ разныхъ оттѣнковъ блисталъ.

Дорожки средь дерна, какъ змѣйки, легли,
Извилистой лентой по саду прошли,
Сіяя подъ лаской полдневныхъ лучей,
Теряясь порою средь чащи вѣтвей.

Кустами на нихъ маргаритки росли,
И царскіе кудри роскошно цвѣли;
И тихо роняя свои лепестки,
Пурпурные, синіе вяли цвѣтки,
И къ вечеру искрились въ нихъ свѣтляки.

Весь садъ точно райской мечтой озаренъ;
И такъ, какъ ребенокъ, стряхнувши свой сонъ,
Съ улыбкой глядитъ въ колыбели на мать,
Которой отрадно съ нимъ пѣть и играть, —

Цвѣты, улыбаясь, на небо глядятъ,
А въ небѣ лучи золотые горятъ,
И ярко всѣ блещутъ въ полуденный часъ,
Какъ блещетъ при свѣтѣ лучистый алмазь.

И льютъ, наклоняясь, они ароматъ,
И съ шопотомъ ласки другъ другу дарятъ,
Подобно влюбленнымъ, которымъ вдвоемъ
Такъ сладко, что жизнь имъ является сномъ.

И только Мимоза, Мимоза одна,
Стоитъ одинока, безмолвна, грустна;
Пусть глубже, чѣмъ всѣ, она любитъ въ тиши
Порывомъ невинной и чистой души, —

Увы, аромата она лишена!
И клонится нѣжной головкой она,
И жаждетъ, исполнена тайной мечты,
Того, чего нѣтъ у нея, красоты.

Ласкающій вѣтеръ на крыльяхъ своихъ
Уноситъ гармонию звуковъ земныхъ;
И вѣнчики яркихъ, какъ звѣзды, цвѣтковъ
Блистаютъ окраской своихъ лепестковъ;

И бабочекъ свѣтлыхъ живая семья,
Какъ полная золотомъ въ морѣ ладья,
Скользитъ надъ волнистою гладью травы,
Мелькаетъ, плыветъ въ океанѣ листвы;

Туманы, прильнувъ на мгновенье къ цвѣтамъ,
Уносятся въ высь къ голубымъ небесамъ,
Цвѣточный уносятъ съ собой ароматъ,
Какъ свѣтлые ангелы въ небѣ скользятъ;

На смѣну имъ снова встаютъ надъ землей
Туманы, рожденные знойною мглой;
Въ нихъ вѣтеръ слегка пролепечетъ на мигъ,
Какъ ночью лепечетъ прибрежный тростникъ.

Мечтаетъ Мимоза въ вѣнцѣ изъ росы,
Межъ тѣмъ пролетаютъ мгновенья, часы,
Медлительно движется вечера тѣнь,
Какъ тянутся тучки въ безвѣтренный день.

И полночь съ лазурныхъ высотъ снизошла,
Прохлада на мѣръ задремавшій легла,
Любовь — въ небесахъ, и покой — на землѣ,
Отраднѣй восторги въ таинственной мглѣ.

Всѣхъ бабочекъ, птичекъ, растенья, звѣрьковъ
Баюкаетъ море загадочныхъ сновъ,
Какъ въ сказкѣ, волна напѣваетъ волнѣ,
Ихъ пѣнья неслышно въ ночной тишинѣ.

И только не хочет уснуть соловей, —
Ночь длится, а пѣсня слышнѣй и слышнѣй,
Какъ будто онъ гимны слагаетъ лунѣ,
И внемлетъ Мимоза ему въ полуснѣ.

Она, какъ ребенокъ, уставъ отъ мечты,
Всѣхъ прежде печально свернула листы;
Въ душѣ ея сонная греза встаетъ,
Себя она ласковой мглѣ предаетъ,
Ей ночь колыбельную пѣсню поетъ.

2

Въ волшебномъ саду, чуждомъ горя и зла,
Богиня, какъ Ева въ Эдемѣ, была,
И такъ же цвѣты устремляли къ ней взоры,
Какъ смотрять на Бога всѣ звѣздные хоры.

Въ лицѣ ея дивномъ была разлита
Небесныхъ таинственныхъ думъ красота;
Сравниться не могъ съ ней изяществомъ стана
Цвѣтокъ, что раскрылся на днѣ океана.

Все утро, весь день и весь вечеръ она
Цвѣты оживляла, ясна и нѣжна;
А въ сумеркахъ падали къ ней метеоры,
Сплетая блестящія искры въ узоры.

Изъ смертныхъ не знала она никого,
Не знала, что значить грѣха торжество.
Но утромъ, подъ ласкою теплой разсвѣта,
Она трепетала, любовью согрѣта;

Какъ будто бы ласковый духъ неземной
Слеталъ къ ней подъ кровомъ прохлады ночной,
И днемъ еще медлилъ, и къ ней наклонялся,
Хоть въ свѣтѣ дневномъ отъ нея онъ скрывался.

Она проходила, къ ней льнула трава,
Къ которой она прикасалась едва;
И шла она тихо, и тихо дышала,
И страсть, и восторгъ за собой оставляла;

Какъ шопоть волны средь морскихъ тростниковъ,
Чуть слышенъ былъ звукъ ея легкихъ шаговъ,
И тѣнью волосъ она тотчасъ стирала
Тотъ слѣдъ, что, идя, за собой оставляла.

Въ волшебномъ саду преклонялись цвѣты
При видѣ такой неземной красоты,
И нѣжно слѣдили влюбленной толпою
За этой прелестной, воздушной стопою.

Она орошала ихъ свѣтлой водой,
Въ нихъ яркія искры блистали звѣздой;
И въ ихъ лепесткахъ, съ мимолетной красою,
Прозрачныя капли сверкали росою.

Заботливо-нѣжной рукою своею
Она расправляла цвѣты межъ вѣтвей,
Ей не были бѣ дѣти родныя милѣе,
Она не могла бы любить ихъ нѣжнѣе.

Всѣхъ вредныхъ, грызущихъ листки, червяковъ,
Всѣхъ хищныхъ, тревожащихъ зелень, жучковъ
Она своею быстрой рукою ловила,
И въ лѣсъ далеко — далеко уносила;

Для нихъ она дикихъ цвѣтовъ нарвала,
Въ корзину насыпала, гдѣ ихъ несла,
Хоть вредъ они жизнью своей приносили,
Но жизнь они чисто, невинно любили.

А пчель, однодневокъ и всѣхъ мотыльковъ,
Прильнувшихъ къ душистымъ устамъ лепестковъ,
Она оставляла, чтобъ нѣжно любили,
Чтобъ въ этомъ раю серафимами были.

И къ кедру душистому шла на зарѣ,
Тамъ куколки бабочекъ въ темной корѣ,
Межъ трещинъ продольныхъ, она оставляла,
Въ нихъ жизнь молодая тихонько дрожала.

Была ея матерью нѣжной — весна,
Все лѣто цвѣты оживляла она,
И прежде, чѣмъ хмурая осень пришла
Съ листвою золотою, — она умерла!

3

Промчалось три дня, — всѣ цвѣты тосковали,
О чемъ, почему, они сами не знали;
Грустили и блѣдность была въ нихъ видна,
Какъ въ звѣздахъ, когда загорится луна.

А съ новой зарею — до слуха Мимозы
Коснулося пѣнье; въ немъ слышались слезы;
За гробомъ вослѣдъ провожатые шли,
И плакальщицъ стоны звучали вдали.

И съ тихой тоской погребальнаго пѣнья
Сливалось смерти нѣмой дуновенье;

И запахъ холодный, тяжелый, сырой,
Изъ гроба къ цвѣтамъ доносился порой.

И травы, обнявшись тоскливо съ цвѣтами,
Алмазными вдругъ заблестали слезами;
А вѣтеръ рыданья вездѣ разносилъ: —
Ихъ вздохи онъ въ гимнъ похоронный сложилъ.

И прежняя пышность цвѣтовъ увядала,
Какъ трупъ той богини, что ихъ оживляла;
Духъ тлѣнья въ саду омраченномъ виталь,
И даже — кто слезъ въ своей жизни не зналъ —
И тотъ бы при видѣ его задрожалъ.

Подкралася осень, умчалось лѣто,
Туманы легли вмѣсто жгучаго свѣта,
Хоть солнце полудня сіяло порой,
Смѣясь надъ осенней погодой сырой.

И землю остывшую розы въ печали,
Какъ хлопьями снѣга, цвѣтами устлали;
И мертвенныхъ лилій и тусклыхъ бѣльцовъ
Виднѣлись толпы, точно рядъ мертвецовъ.

Индійскія травы съ живымъ ароматомъ
Блѣднѣли въ саду, разложеньемъ объятomъ,
И съ новымъ осеннимъ томительнымъ днемъ
Безмолвно роняли листокъ за листкомъ.

Багровые, темные, листья сухіе
Носились по вѣтру, какъ духи ночные: —
И вѣтеръ ихъ свистъ межъ вѣтвей разносилъ,
И ужасъ на зябнущихъ птицъ наводилъ.

И плевеловъ зерна въ своей колыбели
Проснулись подъ вѣтромъ и вдаль полетѣли,
Смѣшались съ толпами осеннихъ листовъ,
И гнили въ объятіяхъ мертвыхъ цвѣтовъ.

Прибрежныя травы какъ будто рыдали, —
Какъ слезы, въ ручей лепестки упали,
Обнявшись, смѣшавшись въ водѣ голубой,
Носились нестройной, унылой толпой.

Покрылися трупами листьевъ — аллеи,
И мертвыя свѣсились внизъ эпомеи,
И блескъ средь лазури, какъ призракъ, исчезъ,
И дождь пролился съ потемнѣвшихъ небесъ.

Всю осень, пока не примчались мятели,
Уродливыхъ плевеловъ стебли жирѣли;
Усѣянъ былъ пятнами гнусный ихъ ротъ,
Какъ жабы спина иль змѣиный животъ.

Крапива, ворсянка, съ цикутой пахучей,
Волчцы, бѣлена и репейникъ колючій —
Тянулись, дышали, какъ будто сквозь сонъ,
Ихъ ядомъ былъ воздухъ кругомъ напоенъ.

И тутъ же вблизи разростались другія,
Какъ будто въ нарывахъ, какъ будто гнилыя,
Больныя растенья, — отъ имени ихъ
Бѣжить съ отвращеніемъ трепетный стихъ.

Стояли толпой мухоморы, поганки,
И ржавые грузди, опенки, листовянки;
Взростила ихъ плѣсень въ туманные дни,
Какъ вѣстники смерти стояли они.

Ихъ тѣло кусокъ за кускомъ отпадало,
И воздухъ дыханьемъ своимъ заражало,
И вскорѣ виднѣлись одни лишь стволы,
Сырые отъ влажной, удушливой мглы.

Отъ мертвыхъ цвѣтовъ, отъ осенней погоды,
Въ ручьѣ, будто флѣромъ, подернулись воды,
И шпажной травы разрослась семья;
Съ корнями узлистыми, точно змѣя.

Сильнѣй и сильнѣй поднимались туманы,
Бродили и ширились ихъ караваны,
Рождаясь съ зарей, возростали чумой,
И ночью весь міръ былъ окутанъ ихъ тьмой.

Въ часъ полдня растенія искриться стали: —
То иней и изморозь ярко блистали;
Какъ ядомъ напитаны, вѣтки тотчасъ
Мертвѣли отъ ихъ ослѣпительныхъ глазъ.

И было тоскливо на сердцѣ Мимозы,
И падали, падали свѣтлыя слезы;
Объятые гнетомъ смертельной тоски,
Прижались другъ къ другу ея лепестки.

И скоро всѣ листья ея облетѣли,
Внимая угрюмымъ напѣвамъ мятели,
И сокъ въ ней не могъ уже искриться вновь,
А капаль къ камнямъ, точно мертвая кровь.

Зима, опоясана вѣтромъ холоднымъ,
Промчалась по горнымъ вершинамъ бесплоднымъ,
И трескъ издавали обломки скалы,
Звенѣли въ морозъ, какъ звенять кандалы.

И цѣпью своей неземного закала
И воды и воздухъ она оковала,
Отъ сводовъ полярныхъ, изъ дальней земли,
Суровые вихри ее принесли.

Послѣднія травы подъ вѣтромъ дрожали,
Отъ ужаса смерти подъ землю бѣжали,
И такъ же исчезли они подъ землей,
Какъ призракъ безслѣдный, порою ночной.

Въ извилистыхъ норахъ уснули въ морозы
Кроты подъ корнями умершей Мимозы,
И птицы летѣли на сучья, на пни,
И вдругъ, налету, замерзали они.

Тепломъ потянуло. На вѣткахъ снѣжинки
Растаяли, падая внизъ, какъ слезинки;
И снова замерзли въ холодные дни,
И кружевомъ снѣжнымъ повисли они.

Металася буря, сугробы вздымая,
И волкомъ голоднымъ въ лѣсу завывая,
И сучья ломала въ порывѣ своемъ,
Весь мѣръ засыпая и снѣгомъ и льдомъ.

И снова весна, и умчались морозы;
Но нѣтъ уже больше стыдливой Мимозы;
Одни мандрагоры, цикуты, волчцы
Возстали, какъ въ склепахъ встаютъ мертвецы.

Знала-ль Мимоза, что скрылась весна,
И что сама измѣнилась она,

Знала-ль, что осень съ зимою пришла,
Трудно сказать, — но она умерла.

Дивная Нимфа, чьимъ царствомъ былъ садъ,
Чьимъ дуновеніемъ былъ аромать,
Вѣрно, грустила, когда не нашла
Формы, гдѣ нѣга стыдливо жила —

Чудная нѣга любви, красоты,
И неземного блаженства мечты.
Но въ этомъ мірѣ суровой борьбы
Горя, обмана, и страха судьбы,

Въ мірѣ, гдѣ мы — только тѣни отъ сна,
Гдѣ намъ познанія власть не дана,
Въ мірѣ, гдѣ все — только лживый туманъ, —
Самая смерть есть миражъ и обманъ.

Вѣчень таинственный, сказочный садъ,
Вѣчно въ немъ Нимфа живить аромать,
Вѣчно смѣются имъ вешніе дни,
Мы измѣняемся, — но не они.

Счастье, любовь, красота, — вамъ привѣтъ!
Нѣтъ переменны вамъ, смерти вамъ нѣтъ,
Только безсильны мы васъ сохранить,
Рвемъ вашу тонкую, свѣтлую нить.

Озимандія

Я встрѣтилъ путника; онъ шелъ изъ странъ
далекихъ

И мнѣ сказалъ: Вдали, гдѣ вѣчность сторожить
Пустыни тишину, среди песковъ глубокихъ
Обломокъ статуи распавшейся лежитъ.

Изъ полустертыхъ чертъ сквозитъ надменный
пламень,

Желанье заставлятъ весь мѣръ себѣ служить;
Ваятель опытный вложилъ въ бездушный ка-
мень

Тѣ страсти, что могли столѣтъя пережить.

И сохранилъ слова обломокъ изваянья: —

«Я — Озимандія, я — мощный царь царей!

«Взгляните на мои великія дѣянья,

«Владыки всѣхъ временъ, всѣхъ странъ и всѣхъ
морей!»

Кругомъ нѣтъ ничего... Глубокое молчанье...

Пустыня мертвая... И небеса надъ ней...

Воронъ

Какъ — то въ полночь, въ часъ угрюмый, полный
тягостною думой,
Надъ старинными томами я склонялся въ по-
луснѣ,
Грезамъ страннымъ отдавался, вдругъ неясный
звукъ раздался,
Будто кто-то постучался — постучался въ дверь
ко мнѣ.
«Это вѣрно», прошепталъ я, «гость въ полночной
тишинѣ,
Гость стучится въ дверь ко мнѣ».

Ясно помню... Ожиданья... Поздней осени ры-
данья...
И въ каминѣ очертанья тускло тлѣющихъ
углей...
О, какъ жаждалъ я разсвѣта, какъ я тщетно
ждалъ отвѣта
На страданье, безъ привѣта, на вопросъ о ней, о
ней,
О Ленорѣ, что блистала ярче всѣхъ земныхъ
огней,
О свѣтилѣ прежнихъ дней.

И завѣсь пурпурныхъ трепеть издавалъ какъ
будто лепеть,

Трепетъ, лепеть, наполнявшій темнымъ чув-
ствомъ сердце мнѣ.

Непонятный страхъ смирая, всталъ я съ мѣста,
повторяя: —

«Это только гость, блуждая, постучался въ
дверь ко мнѣ,

«Поздній гость пріюта просить въ полуночной
тишинѣ —

«Гость стучится въ дверь ко мнѣ».

подавивъ свои сомнѣнья, побѣдивши опасенья,
Я сказалъ: «Не осудите замедленья моего!

«Этой полночью ненастной я вздремнулъ, и
стукъ неясный

«Слишкомъ тихъ былъ, стукъ неясный, — и
не слышаль я его,

«Я не слышаль» — тутъ раскрылъ я дверь
жилища моего: —

Тьма, и больше ничего.

Взоръ застылъ, во тьмѣ стѣсненный, и стоялъ
я изумленный,

Снамъ отдавшись, недоступнымъ на землѣ ни для
кого;

Но какъ прежде ночь молчала, тьма душѣ не
отвѣчала,

Лишь — «Ленора!» — прозвучало имя солнца
моего, —

Это я шепнулъ, и эхо повторило вновь его, —
Эхо, больше ничего.

Вновь я въ комнату вернулся — обернулся —
содрогнулся, —

Стукъ раздался, но слышнѣе, чѣмъ звучалъ онъ
до того.

«Вѣрно, что-нибудь сломилось, что-нибудь
пошевелилось,

«Тамъ за ставнями забилося у окошка моего,
«Это вѣтеръ, усмирю я трепеть сердца моего, —
«Вѣтеръ, больше ничего».

Я толкнулъ окно съ рѣшеткой, — тотчасъ важ-
ною походкой

Изъ-за ставней вышелъ Воронъ, гордый Воронъ
старыхъ дней,

Не склонился онъ учтиво, но, какъ лордъ,
вошелъ спѣсиво,

И, взмахнувъ крыломъ лѣниво, въ пышной
важности своей,

Онъ взлетѣлъ на бюсть Паллады, что надъ
дверью былъ моей,

Онъ взлетѣлъ — и сѣлъ надъ ней.

Отъ печали я очнулся и невольно усмѣхнулся,
Видя важность этой птицы, жившей долгіе года.

«Твой хохоль ощипанъ славно и глядишь ты
презабавно»,

Я промолвилъ, «но скажи мнѣ: Въ царствѣ тьмы,
гдѣ ночь всегда,

«Какъ ты звался, гордый Воронъ, тамъ, гдѣ ночь
царить всегда!»

Молвилъ Воронъ: «Никогда».

Птица ясно отвѣчала, и хоть смысла было
мало,

Подивился я всѣмъ сердцемъ на отвѣтъ ея
тогда.

Да и кто не подивится, кто съ такой мечтой
сроднится,
Кто повѣрить согласится, чтобы гдѣ-нибудь
когда —
Сѣлъ надъ дверью — говорящій безъ запинки,
безъ труда —
Воронъ съ кличкой: «Никогда».

И, взирая такъ сурово, лишь одно твердилъ онъ
слово,
Точно всю онъ душу вылилъ въ этомъ словѣ
«Никогда»,
И крылами не взмахнулъ онъ, и перомъ не ше-
вельнулъ онъ,
Я шепнулъ: «Друзья сокрылись вотъ ужъ
многіе года,
«Завтра онъ меня покинетъ, какъ надежды,
навсегда».
Воронъ молвилъ: «Никогда».

Услыхавъ отвѣтъ удачный, вздрогнулъ я въ
тревогѣ мрачной,
«Вѣрно, былъ онъ», я подумалъ, «у того, чья
жизнь — Бѣда,
«У страдальца, чьи мученья возростали, какъ
теченье
«Рѣкъ весной, чье отреченье отъ Надежды
навсегда
«Въ пѣснѣ вылилось о счастья, что, погибнувъ
навсегда,
«Вновь не вспыхнетъ никогда.»

Но, отъ скорби отдыхая, улыбаясь и вздыхая,
Кресло я свое придвинулъ противъ Ворона
тогда,

И, склонясь на бархатъ нѣжный, я фантази
безбрежной

Отдался душой мятежной: «Это — Воронъ, Во-
ронъ, да.

«Но о чемъ твердить зловѣщій этимъ чернымъ
«Никогда»,

Страшнымъ крикомъ «Никогда».

Я сидѣлъ, догадокъ полный и задумчиво-
безмолвный,

Взоры птицы жгли мнѣ сердце, какъ огнистая
звѣзда,

И съ печалью запоздалой, головой своей усталой,

Я прильнулъ къ подушкѣ алой, и подумалъ я
тогда: —

Я одинъ, на бархатъ алый та, кого любилъ
всегда,

Не прильнетъ ужъ никогда.

Но постой, вокругъ темнѣеть, и какъ будто кто-
то вѣть,

То съ кадилницей небесной Серафимъ пришелъ
сюда?

Въ мигъ неясный упоенья я вскричалъ: «Прости,
мученье,

«Это Богъ послалъ забвенье о Ленорѣ навсегда,

«Пей, о, пей скорѣй забвенье о Ленорѣ навсегда!»

Каркнулъ Воронъ: «Никогда».

И вскричалъ я въ скорби страстной: «Птица ты
иль духъ ужасный,

«Искушителемъ ли посланъ, иль грозой прибить
сюда, —

«Ты пророкъ неустрашимый! Въ край печаль-
 ный, нелюдимый,
 «Въ край, Тоскою одержимый, ты пришелъ ко
 мнѣ сюда!
 «О, скажи, найду-ль забвенье, я молю, скажи,
 когда?»

Каркнулъ Воронь: «Никогда».

«Ты пророкъ», вскричалъ я, «вѣщій! Птица ты
 иль духъ зловѣщій,
 «Этимъ Небомъ, что надъ нами — Богомъ скры-
 тымъ навсегда —
 «Заклинаю, умоляя, мнѣ сказать, — въ предѣ-
 лахъ Рая
 «Мнѣ откроется-ль святая, что средь ангеловъ
 всегда,
 «Та, которую Ленорой въ небесахъ зовутъ
 всегда?»

Каркнулъ Воронь: «Никогда».

И воскликнулъ я, вставая: «Прочь отсюда, птица
 злая!
 «Ты изъ царства тьмы и бури, — уходи опять
 туда,
 «Не хочу я лжи позорной, лжи, какъ эти перья,
 черной,
 «Удались же, духъ упорный! Быть хочу —
 одинъ всегда!
 «Вынь свой жесткій клювъ изъ сердца моего,
 гдѣ скорбь — всегда!»

Каркнулъ Воронь: «Никогда».

И сидить, сидить зловѣщій, Воронь черный,
 Воронь вѣщій,

Съ бюста блѣднаго Паллады не умчится никуда,
Онъ глядитъ, уединенный, точно Демонъ полу-
сонный,

Свѣтъ струится, тѣнь ложится, на полу дрожить
всегда,

И душа моя изъ тѣни, что волнуется всегда,
Не возстанетъ — никогда!

Могутъ только биться, виться, и кричать,
кричать, кричать!

Только плакать о пощадѣ,
И къ пылающей громадѣ
Вопли скорби обращать!
А межъ тѣмъ огонь безумный,
И глухой и многошумный,
Все горитъ,

То изъ оконъ, то по крышѣ,
Мчится выше, выше, выше,
И какъ будто говорить: —

Я хочу

Вышемчаться, разгораться, встрѣчу лунному лучу,
Иль умру, иль тотчасъ — тотчасъ вплоть до
мѣсяца взлечу!

О, набать, набать, набать,

Если бъ ты вернулъ назадъ

Этотъ ужасъ, это пламя, эту искру, этотъ
взглядъ,

Этотъ первый взглядъ огня,

О которомъ ты вѣщаешь, съ плачемъ, съ воплемъ,
и звеня!

А теперь намъ нѣтъ спасенья,

Всюду пламя и кипѣнье,

Всюду страхъ и возмущенье!

Твой призывъ,

Дикихъ звуковъ несогласность

Возвѣщаетъ намъ опасность,

То растетъ бѣда глухая, то спадаетъ какъ
приливъ!

Слухъ нашъ чутко ловить волны въ перемѣнѣ
звуковой,

Вновь спадаетъ, вновь рыдаетъ мѣдно-стонущій
прибой!

4

Похоронный слышенъ звонъ,
Долгій звонъ!

Горькой скорби слышны звуки, горькой жизни
конченъ сонъ,

Звукъ желѣзный возвѣщаетъ о печали похоронъ!

И невольнo мы дрожимъ,
Отъ забавъ своихъ спѣшимъ.

И рыдаемъ, вспоминаемъ, что и мы глаза смежимъ.

Неизмѣнно-монотонный
Этотъ возгласъ отдаленный,

Похоронный тяжкій звонъ,

Точно стонъ,
Скорбный, гнѣвный,
И плачевный,

Выростаетъ въ долгій гулъ,

Возвѣщаетъ, что страдалецъ непробуднымъ
сномъ уснулъ.

Въ колокольныхъ кельяхъ ржавыхъ,

Онъ для правыхъ и неправыхъ

Грозно вторить объ одномъ: —

Что на сердцѣ будетъ камень, что глаза сом-
кнутся сномъ.

Факель траурный горитъ,

Съ колокольни кто-то крикнулъ, кто-то громко
говоритъ,

Кто то черный тамъ стоитъ,

И хохочетъ, и гремитъ,

И гудитъ, гудитъ, гудитъ,

Къ колокольнѣ припадаетъ,

Гулкій колоколъ качаетъ,

Гулкій колоколъ рыдаетъ,

Стонетъ въ воздухѣ нѣмомъ,

И протяжно возвѣщаетъ о покоѣ гробовомъ.

Фейная страна

Доли дымные — потоки
Тѣневые — и лѣса,
Что глядятъ какъ небеса,
Многооблачно-широки,
Въ нихъ невѣрная краса,
Формы ихъ неразличимы,
Всюду слезы, словно думы;
Луны таютъ и растутъ —
Шаръ огромный тамъ и тутъ —
Снова луны — снова — снова —
Каждый мигъ поры ночной
Озаряется луной,
Ищутъ мѣста все иного,
Угашаютъ звѣздный свѣтъ,
Въ блѣдныхъ ликахъ жизни нѣтъ.
Чуть на лунномъ циферблатѣ
Знакъ двѣнадцати часовъ, —
Та, въ которой больше сновъ,
Больше дымной благодати,
(Это чара въ той странѣ,
Говоритъ луна лунѣ),
Сходить ниже, — сходить ниже —
На горѣ на верховой
Ставить шаръ горящій свой —
И повсюду — дальше — ближе —
Въ легкихъ складкахъ блѣдныхъ сновъ
Расширяется покровъ
Надъ деревней, надъ полями,

Надъ чертогами, вездѣ —
Надъ лѣсами и морями,
По землѣ и по водѣ —
И надъ духомъ, что крылами
Въ грезѣ вѣетъ — надо всѣмъ, —
Что дремотствуетъ межъ тѣмъ —
Ихъ заводитъ совершенно
Въ лабиринтъ своихъ лучей,
Въ тѣхъ извивахъ держитъ плѣнно,
И, глубоко, сокровенно,
О, глубоко, межъ тѣней,
Спитъ луна, и души съ ней.
Утромъ, въ свѣтѣ позолоты,
Встанутъ, скинутъ страсть дремоты,
Мчится лунный ихъ покровъ
Въ небесахъ, межъ облаковъ.
Въ летѣ бурь они носимы,
Колыбелясь между грозъ —
Какъ изъ жерлъ вулкановъ дымы
Или желтый Альбатросъ.
Для одной и той же цѣли
Та палатка, та луна
Имъ ужъ больше не нужна —
Вмигъ дождями полетѣли
Блески-атомы тѣхъ сновъ,
И, мѣняясь, заблестѣли
На крылахъ у мотыльковъ,
Тѣхъ, что, будучи земными,
Улетаютъ въ небеса,
Ниспускаются цвѣтными,
(Прихоть сна владѣетъ ими!)
Ихъ крылами расписными
Свѣтитъ вышняя краса.

УЛЯЛЮМЪ

Небеса были сѣраго цвѣта,
Были сухи и скорбны листы,
Были сжаты и смяты листы,
За огнемъ отгорѣвшаго лѣта
Ночь пришла, сонъ глухой черноты,
Близъ туманнаго озера Оберь,
Тамъ, гдѣ сходятся вѣдьмы на пирь,
Гдѣ лѣсной заколдованный мѣръ,
Возлѣ дымнаго озера Оберь,
Въ зачарованной области Вирь.

Тамъ однажды, въ аллеѣ Титановъ,
Я съ моею Душою блуждалъ,
Я съ Психеей, съ Душою блуждалъ.
Въ эти дни трепетанья вулкановъ
Я сердечнымъ огнемъ побѣждалъ,
Я спѣшилъ, я горѣлъ, я блисталъ, —
Точно сѣрные токи на Яникъ,
Бороздящіе горный оплотъ,
Возлѣ полоса, токи, что Яникъ
Покидаютъ, струясь отъ высотъ.

Мы мѣнялися лаской привѣта,
Но въ глазахъ затаилася мгла,
Наша память невѣрной была,
Мы забыли, что умерло лѣто,

Что октябрьская полночь пришла,
Мы забыли, что осень пришла,
И не вспомнили озеро Оберь,
Гдѣ открылся намъ нѣкогда міръ,
Это дымное озеро Оберь,
И излюбленный вѣдьмами Вирь.

Но когда уже ночь постарѣла,
И на звѣздныхъ небесныхъ часахъ
Былъ намекъ на разсвѣтъ въ небесахъ, —
Что-то облачнымъ сномъ заблѣло
Передъ нами, въ неясныхъ лучахъ,
И внезапно предсталъ серебристый
Полумѣсяцъ, двурогой чертой,
Полумѣсяцъ Астарты лучистый,
Очевидный двойной красотой.

Я промолвилъ: — «Астарта нѣжиѣ
«И теплѣй, чѣмъ Діана, она —
«Въ царствѣ вздоховъ, и вздоховъ полна: —
«Увидавъ, что, въ тоскѣ не слабѣя,
«Здѣсь душа затомилась одна, —
«Черезъ созвѣздіе Льва проникая,
«Показала она въ облакахъ
«Путь къ забвенной тиши въ небесахъ,
«И чело передъ Львомъ не склоняя,
«Съ нѣжной лаской въ горящихъ глазахъ,
«Надъ берлогою Льва возникая,
Засвѣтилась для насъ въ небесахъ.»

Но Психея, свой перстъ поднимая,
«Я не вѣрю», промолвила, «въ сны
«Этой блѣдной богини Весны.
«О, не медли, — въ ней блѣдность больная!

«О, бѣжимъ! Поспѣшимъ! Мы должны!»
 И въ испугѣ, въ истомѣ безсилья,
 Не хотѣла, чтобъ дальше мы шли,
 И ея ослабѣвшія крылья
 Опускались до самой земли —
 И влачились, влачились въ пыли.

Я отвѣтилъ: — «То страхъ лишь напрасный,
 «Устремимся на трепетный свѣтъ,
 «Въ немъ кристальность, обмана въ немъ
 нѣтъ,

«Сибиллически-ярко-прекрасный,
 «Въ немъ Надежды манящій привѣтъ,
 «Онъ сквозь ночь намъ роняетъ свой
 слѣдъ,

«О, увѣруемъ въ это сіянье,
 «Такъ зоветъ оно вкрадчиво къ снамъ,
 «Такъ правдивы его обѣщанья
 «Быть звѣздой путеводною намъ,
 «Быть призывомъ, сквозь ночь къ Небе-
 самъ!»

Такъ ласкалъ, утѣшалъ я Психею
 Толкованіемъ звѣздныхъ судебъ,
 Зоркій страхъ въ ней утихъ и ослѣпъ.

И прошли до конца мы аллею,
 И внезапно увидѣли склепъ,
 Съ круговымъ начертаніемъ склепъ.

«Что гласить эта надпись?» — сказала я,
 И какъ вѣтра осенняго шумъ,

Этотъ вздохъ, этотъ стонъ услыхалъ я: —
 «Ты не зналъ? Улялюмъ — Улялюмъ —
 «Здѣсь могила твоей Улялюмъ».

И сраженный словами отвѣта,
Задрожавъ, какъ на вѣткѣ листы,
Какъ сухіе подъ вѣтромъ листы,
Я вскричалъ: — «Значить, умерло лѣто,
«Это осень, и сонъ черноты,
«Небеса потемнѣвшаго цвѣта.
«Ровно — годъ, какъ на кладбищѣ лѣта
«Я здѣсь ночью октябрьской блуждалъ,
«Я здѣсь съ ношею мертвой блуждалъ,
«Эта ночь была ночь безъ просвѣта,
«Самый годъ въ эту ночь умиралъ, —
«Что за демонъ сюда насъ зазвалъ?
«О, я знаю теперь, это — Оберь,
«О, я знаю теперь, это — Виръ,
«Это — дымное озеро Оберь,
«И излюбленный вѣдьмами Виръ.»

Аннабель-Ли

Это было давно, это было давно,
Въ королевствѣ приморской земли: —
Тамъ жила и цвѣла та, что звалась всегда,
Называлася Аннабель-Ли,
Я любилъ былъ любимъ, мы любили вдвоемъ,
Только этимъ мы жить и могли.

И, любовью дыша, были оба дѣтьми
Въ королевствѣ приморской земли,
Но любили мы больше, чѣмъ любить въ любви, —
Я и нѣжная Аннабель-Ли,
И, взирая на насъ, серафимы небесъ
Той любви намъ простить не могли.

Оттого и случилось когда-то давно,
Въ королевствѣ приморской земли, —
Съ неба вѣтеръ повѣялъ холодный изъ тучъ,
Онъ повѣялъ на Аннабель-Ли;
И родные толпой многознатной сошлись,
И ее отъ меня унесли,
Чтобъ навѣки ее положить въ саркофагъ,
Въ королевствѣ приморской земли.

Половины такого блаженства узнать
Серафимы въ раю не могли, —

Оттого и случилось, (какъ вѣдомо всѣмъ
Въ королевствѣ приморской земли), —
Вѣтеръ ночью повѣялъ холодный изъ тучъ
И убилъ мою Аннабель-Ли.

Но, любя, мы любили сильнѣй и полнѣй
Тѣхъ, что старости бремя несли, —
Тѣхъ, что мудростью насъ превзошли, —
И ни ангелы неба, ни демоны тьмы
Разлучить никогда не могли,
Не могли разлучить мою душу съ душой
Обольстительной Аннабель-Ли.

И всегда лучъ луны навѣваетъ мнѣ сны
О плѣнительной Аннабель-Ли;
И зажжется ль звѣзда, вижу очи всегда
Обольстительной Аннабель-Ли;
И въ мерцаньи ночей я все съ ней, я все съ ней,
Съ незабвенной — съ невѣстой — съ любовью
моей —
Рядомъ съ ней распростертъ я вдали,
Въ саркофагѣ приморской земли.

«При паденьи листовъ...»

Знаешь ли ты при паденьи листовъ,
Эту томительность долгой печали?
Скорби сплетаютъ давно ужь сплетали,
Сердцу могильный покровъ,
Спятъ утѣшенія словъ
При паденьи осеннихъ листовъ.

Стынуть главнѣйшія мысли напрасно,
Стынуть главнѣйшія мысли ума,
Осень, и падаютъ листья, ненастно, —
Знаешь ты это? Все въ жизни напрасно,
На все налегла полутьма.

Знаешь ли ты ощущеніе жатвы,
При паденіи долгомъ осеннихъ листовъ?
Ощущенье скользящихъ серповъ?
Ты молчишь, какъ святыня забытая клятвы,
Ты молчишь, какъ скупающій снопь межъ
сноповъ,
При паденьи осеннихъ листовъ.

Въ садъ міровой

Въ садъ міровой опять восходя,
Мощныя пары, сыновъ, дочерей, предваряя,
какъ въ пѣснѣ вступленіе,
Любовь, жизнь ихъ тѣль, значеніе и бытіе, —
Послѣ дремоты воскреснувъ,
Ибо, въ возвратѣ своемъ, могучіе циклы опять
меня возродили, —
Полный любовности, зрѣлый, весь прекрасный,
самъ для себя весь удивительный,
Съ членами сильными, и съ дрожащимъ огнемъ,
что въ нихъ играетъ всегда по причи-
намъ чудеснѣйшимъ,
Существова, я все еще пристальный взоръ
устремляю, и я проницаю,
Настоящимъ довольный, говольный прошед-
шимъ,
Рядомъ со мной, или сзади меня, слѣдуетъ Ева,
Или предо мной, и я за нею иду, тотъ же самый.

Одинъ часъ безумья и радости

Одинъ часъ безумья и радости! О, изступленный!
не умѣрай меня!

(Что́ это такъ освобождаетъ меня въ этихъ
буряхъ?)

Что́ означаютъ вскрики мои среди молній и
бѣшеныхъ вѣтровъ?)

О, испить мистическихъ бредовъ глубже, чѣмъ
кто бы то ни было!

О, дикія и нѣжныя боли! (я ихъ вамъ завѣщаю,
дѣти мои,

Я ихъ вамъ завѣщаю, не безъ причины, о,
женихъ и невѣста!)

О, отдаться тебѣ, кто бъ ты ни былъ, и взять
тебя мнѣ отдающуюся вопреки всему
міру!

Возвратиться въ Рай! О, стыдливая, женствен-
ная!

Привлечь тебя близко къ себѣ, и впервые при-
жать къ тебѣ губы мужчины, который
рѣшителенъ.

О, смущеніе, трижды завязанный узелъ, глубокій
и темный прудъ, весь свободный и
свѣтомъ залитый.

О, умчатся туда, гдѣ наконецъ достаточно
мѣста, достаточно воздуха!

Быть вольнымъ отъ прежнихъ цѣпей и условностей, я отъ моихъ, и ты отъ твоихъ!

Найти неожиданно лучшее, что есть въ природѣ и имъ наслаждаться небрежно!

Почувствовать ротъ свой свободнымъ, который былъ замкнутъ!

Почувствовать ясно, что нынче, или когда бы то ни было я доволенъ собой, я доволенъ!

О, что-то, чего я не зналъ! что-то во снѣ заколдованномъ,

Ускользнуть совершенно отъ всякихъ зацѣпокъ чужихъ, отъ якорей, трюмовъ!

Вольно нестись! Вольно любить! Броситься прямо въ опасность безъ удержа!

Гибель дразнить, звать ее — ну-ка, поди сюда! Восходить, взлетать къ небесамъ любви, мнѣ назначенной!

Подниматься туда своей опьяненной душой!

Потеряться, разъ это нужно!

Напитать весь остатокъ жизни часомъ, часомъ однимъ полноты и свободы!

Однимъ короткимъ часомъ безумья и радости!

Сферическіе и звѣздные, это мы, мы какъ двѣ
кометы,
Четвероногіе, въ чащѣ лѣсной мы бродимъ съ
своими клыками, настигаемъ добычу
прыжкомъ,
Мы два облака утра и вечера, плывущія тамъ
высоко,
Мы два смѣшавшіяся моря, мы двѣ изъ веселыхъ
тѣхъ волнъ, что одна забѣжитъ на
другую, и обѣ другъ друга омочать,
Мы то же, что атмосфера, прозрачные, воспри-
нимающіе, проницаемые, непроницаемые.
Мы снѣгъ, дождь, холодъ и мракъ, мы каждый
созданье, вліяніе этого шара,
Мы кружились, кружились, пока не вернулись
опять домой, мы двое;
Мы все опорожнили, сдѣлали все недѣйстви-
тельнымъ, кромѣ свободы, и нашей
собственной радости.

Ласка орловъ

Идя вдоль рѣки по дорогѣ (это утромъ мой
отдыхъ, прогулка),
Я въ воздухѣ, тамъ ближе къ небу, заглушенный
услышалъ звукъ;
Внезапная ласка орловъ, любовная схватка въ
пространствѣ,
Сплетеніе вмѣстѣ высоко, сомкнутые сжатые
когти,
Вращеніе, бѣшенство, ярость живого вверху
колеса,
Четыре могучихъ крыла, два клюва, сцѣпленіе
массы,
Верченье, круженье комка, разрывы его и
увертки,
Прямое паденіе внизъ, покуда, застывъ надъ
рѣкою,
Два вмѣстѣ не стали одно, въ блаженномъ мгно-
веньи затишья,
Вотъ, въ воздухѣ медлятъ они въ недвижимомъ
еще равновѣсьи,
Разлука, и втянуты когти, и вотъ они, медленно,
снова
На крѣпкихъ и вѣрныхъ крылахъ, вкось, въ
разномъ отдѣльномъ полетѣ,
Летятъ, онъ своею дорогой, своею дорогой она.

Изъ океана толпы, изъ моря ревущаго
Изъ океана толпы, изъ моря ревущаго, нѣжно
дошла до меня капля одна,
шепчетъ, Тебя я люблю, чуть время
пройдетъ и умру я,
Долгій путь я прошла, чтобы только взглянуть
на тебя, къ тебѣ прикоснуться,
Ибо я не могла умереть — на тебя не взглянувши
хоть разъ,
Я боялась, что я иначе, быть можетъ, тебя поте-
ряю.
Вотъ мы встрѣтились, мы увидались теперь, мы
не погибли,
Съ миромъ вернись въ океанъ, любовь моя,
Я тоже вѣдь часть въ океанѣ этомъ, любовь моя,
не такъ уже мы раздѣльны,
Погляди на округлость великую, на слитность
всего, о, какъ совершенно!
Но что до меня, до тебя, неудержное море
должно разлучать насъ,
На часъ по различнымъ путямъ унося насъ,
но не можетъ оно унести насъ врозь
навсегда;
Будь терпѣлива — немножко — ты знаешь, я
воздухъ привѣтствую, говорю съ оке-
аномъ и сушей,
Каждый день на закатѣ солнца во имя твое,
Любовь моя.

Какъ Адамъ раннимъ утромъ

Какъ Адамъ раннимъ утромъ,
Выхожу изъ ночной я бесѣдки, освѣженный
сномъ,
Глядите, какъ я прохожу, услышите мой голосъ,
приблизьтесь.
Прикоснитесь ко мнѣ, прикоснитесь ладонью
руки
До тѣла, пока прохожу я,
Не бойтесь, не страшно
Тѣло мое.

